

Ю. М. СОКОЛЬСКИЙ

Занимательные
истории
об истории

Юрий Сокольский

**Занимательные
истории об истории**

«Алетейя»

2017

УДК 94
ББК 63.3

Сокольский Ю. М.

Занимательные истории об истории / Ю. М. Сокольский —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-37-0

Когда читаешь серьезные исследования ученых-историков, неизбежно приходишь к выводу, что во все времена драмы и трагедии на исторической сцене разворачивались гораздо чаще, чем комедии. В истории каждой страны было много жестоких войн и кровавых переворотов, явной подлости и тайного вероломства, много предательства и лжи, которые испокон веку использовали как своё орудие оголтелые честолюбцы во всех уголках земного шара ради достижения высшей власти. Во все времена грустное соседствовало в жизни со смешным, а трагедия – с комедией или мелодрамой, а то и с откровенным фарсом. Во всем многообразии истории автора интересуют прежде всего любопытные совпадения, неожиданные аналогии, парадоксальные или трагикомические ситуации, анекдотические случаи. Описывая исторические события, автор сознательно стремится отыскать в них поучительные и курьезные, смешные и забавные эпизоды, возрождая старый добрый жанр исторического анекдота.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-906910-37-0

© Сокольский Ю. М., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Однажды и России...	7
Бедный царевич	7
Фаворитки царей	10
Заслуженные награды	12
Братья Зубовы	14
Шерше ла фам!	17
Родственные связи	19
Верните долг!	21
Обман во спасение	23
Браки в царской семье	25
Достоверность мемуаров	27
Афера века	29
Деньги, деньги...	31
Однажды В СССР...	33
Судьбы генералов	33
Дезинформация	35
На войне как на войне	38
Напечатано в газете	40
Медицина и политика	42
Как Берия стал английским шпионом	45
Заслуженные награды-2	47
Стукачи	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ю. М. Сокольский
Занимательные истории об истории

© Ю. М. Сокольский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Когда читаешь серьезные исследования ученых-историков, неизбежно приходишь к выводу, что во все времена драмы и трагедии на исторической сцене разворачивались гораздо чаще, чем комедии. Как всем хорошо известно, в истории каждой страны было много жестоких войн и кровавых переворотов, явной подлости и тайного вероломства, много предательства и лжи, которые испокон веку использовали как свое орудие оголтелые честолюбцы во всех уголках земного шара ради достижения высшей власти. Но все же во все времена грустное соседствовало в жизни со смешным, а трагедия – с комедией или мелодрамой, а то и с фарсом.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, – не историческое исследование, да она ни в какой мере на это и не претендует. Автор ее – не профессиональный историк, хотя он рассказывает о самых разнообразных исторических событиях и знаменитых людях не только России, но и Европы, Азии, Америки.

Во всем многообразии истории автора интересуют прежде всего любопытные совпадения, неожиданные аналогии, парадоксальные или трагикомические ситуации, анекдотические случаи. Описывая исторические события, автор сознательно стремится отыскать в них смешные и забавные эпизоды, иногда придавая им даже большее значение, чем они имели на самом деле. Поэтому чтение этой книги доставит немало приятных минут любому человеку, не безразличному к историческому прошлому.

Однажды и России...

Бедный царевич

В 1591 г. в г. Угличе погиб при неясных обстоятельствах девятилетний царевич Дмитрий, сын царя Ивана IV Грозного, который умер за 7 лет до этого события. Сразу после гибели мальчика возникли якобы стихийные беспорядки, в ходе которых был убит дьяк Михаил Ботяговский и еще с десятков человек, как служивших при дворе Марии Нагой, матери царевича, так и вовсе посторонних. Из Москвы в Углич отправилась специальная комиссия во главе с князем Василием Шуйским. По итогам расследования Шуйский доложил Боярской думе и патриарху Иову, что царевич-де страдал падучей болезнью, упал и напоролся на ножик, а массовое кровопролитие в Угличе организовал Михаил Нагой, брат Марии (то есть родной дядя царевича), будучи пьяным. Дума и патриарх, поверив Шуйскому, повелели Марию Нагую сослать в отдаленный монастырь близ Выксы, остальных Нагих заключить в темницы, 200 граждан Углича казнить, а всех прочих сослать в Сибирь (некоторых жителей оставили, но зато им отрезали языки, чтобы не болтали лишнего).

В народе распространялось мнение, что убийство царевича совершено по распоряжению царского шурина Бориса Годунова, который хотел стать царем после смерти бездетного царя Федора Ивановича и поэтому опасался конкуренции со стороны подрастающего царевича. Этой версии придерживался историк Н. М. Карамзин. В драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» об этом прямо говорит один персонаж – юродивый. А в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» в уста главного героя вложены слова: «И мальчики кровавые в глазах». Таким образом, оперный царь Борис прямо признается в убийстве бедного царевича.

Между тем это не так уже потому, что царевич Дмитрий был побочным (незаконнорожденным) сыном царя Ивана IV. С его матерью, Марией Нагой, Иван IV не был венчан, ибо она была ему уже седьмой женой, а по законам православной церкви разрешалось жениться только три раза. Сразу же после смерти Ивана IV Мария, ее сын и братья были удалены из Москвы, их поселили в Угличе. Если уж кого и стоило Борису Годунову опасаться, так это родовитых бояр, являвшихся Рюриковичами по материнской линии, – Федора Мстиславского и Василия Шуйского (ибо сам Годунов происходил из незнатного рода).

Когда еще через 7 лет умер царь Федор и Земский собор стал выбирать нового царя, Борис Годунов вначале отказался от царской короны именно в пользу Федора Мстиславского. Но когда отказался и князь Федор, а царем стал-таки Годунов, то он специальным указом запретил обоим своим опасным конкурентам жениться, чтобы не создавать впредь династических помех своим детям. Можно полагать, что убийство царевича Дмитрия могло быть выгодно этим двум родовитым князьям.

Но сложившейся ситуацией воспользовался молодой инок Григорий (Юрий) Отрепьев, назвавший себя именем погибшего царевича и под этим именем даже воссевший на московский трон. Одним из решающих этапов на пути Самозванца к трону было его «опознание» матерью, Марией Нагой, в то время монахиней Марфой. В поле близ Выксы был установлен шатер, вокруг собралась многотысячная толпа, а перед входом в шатер появились Самозванец и Марфа. Марфа сказала народу: «За 14 лет ребенок вырос и изменился. Но я, как мать, знаю, что у моего ребенка есть на попке пятнышко. Сейчас мы войдем в шатер, и я посмотрю, есть ли пятнышко и на том ли оно месте». После чего оба вошли в шатер и вскоре вышли оттуда, нежно обнимая друг друга. Добродушный народ обливался слезами умиления, плакала и Марфа, – может от радости, а может и от горя, вспоминая настоящего Дмитрия.

Этот хорошо отрежиссированный спектакль вряд ли мог заранее подготовить один инок Григорий. Вероятно, спектакль помогали ставить родовитые князья, которые хотели вволю править страной (чего им не позволял властный Борис Годунов) за спиной Самозванца. Характерна деталь – «пятнышко на попке», ее мог ввести в спектакль только человек, хорошо знавший психологию толпы. Именно о пятнышке на попке народ еще долго судачил.

Став царем, Самозванец хотел изъять тело убитого царевича Дмитрия из Угличского соборного храма, чтобы не привлекать к захоронению ненужного внимания. Но Марфа этому воспротивилась. Как она могла ослушаться воли царя? По-видимому, она и не считала его царем, то есть настоящим Дмитрием. Но тогда получается, что в поле под Выксой она подчинялась кому-то другому.

Когда инок Григорий стал царем под именем Дмитрия Ивановича, князь Василий Шуйский публично признал, что он, как глава комиссии по расследованию событий в Угличе, сказал тогда неправду, его, мол, заставил Борис Годунов. Теперь князь Василий принял присягу новому царю, Дмитрию Ивановичу, надеясь, вероятно, получить от него какие-то привилегии. Но Самозванец правил, опираясь на поляков, большой отряд которых находился в Кремле. Родовитых русских князей новый царь к власти не подпускал. И тогда Шуйский совершил акт отчаяния: он заявил народу, что Дмитрий был убит в Угличе, а новый царь – самозванец, Лжедмитрий. Конечно, Шуйского незамедлительно приговорили к смерти. Но когда его уже вывели на Лобное место и князь положил свою голову на плаху, был зачитан царский указ о помиловании Шуйского.

Эта мягкотелость дорого обошлась Лжедмитрию: уже через полгода его самого убили, а новым царем стал Василий Шуйский. Теперь уже он захотел перевезти в Москву и перезахоронить там тело убитого в Угличе царевича. Этим Шуйский преследовал две цели: предотвратить появление новых Лжедмитриев и вновь кинуть тень на жестокого Бориса I Годунова. Марфа согласилась на перезахоронение, не переча Шуйскому.

Сохранилось свидетельство независимого очевидца тех событий, немецкого ландскнехта Конрада Буссова. По Буссову, сначала был изготовлен новый деревянный гроб, ибо старый совсем сгнил за 15 лет пребывания в земле. Затем был убит девятилетний мальчик (сын священника), чтобы труп выглядел «свежим». Труп мальчика вырядили в вышитые одежды, сафьяновые башмачки, в одну руку вложили платочек, в другую горсть орехов.

Процессию с гробом из Углича в Москве встречали царь, патриарх, Марфа, бояре, многочисленная толпа. Когда крышку гроба открыли, толпа ахнула от изумления: тело ребенка не имело никаких следов тления. Настоящего царевича Дмитрия раньше видели только двое – Василий Шуйский и Марфа. Первый тут же всенародно подтвердил, что в гробу – царевич Дмитрий. Марфа расплакалась, пытаясь сквозь слезы что-то сказать. Стоявшие рядом бояре говорили потом, что Марфа просила народ православный ее простить. За что простить?

Затем начались ударные сцены этого нового спектакля. Кто-то из толпы подошел к гробу, взял из руки мертвого царевича несколько орешков и храбро их съел. Эту замечательную деталь (насчет орехов) мог придумать только человек, хорошо знавший психологию толпы. Именно о сохранившихся съедобных орешках народ еще долго судачил.

После этого к гробу подполз на четвереньках какой-то убогий человек, коснулся рукой гроба и тотчас вскочил на свои мигмом окрепшие ноги. Потом к гробу подвели какого-то незрячего – и тот прозрел. Эти чудеса убедили всех собравшихся, что царевич Дмитрий – святой. На ближайшем церковном соборе царевич Дмитрий был причислен к лику святых. А открытый гроб перенесли в Архангельский собор Кремля, где он стоял еще несколько дней, и чудеса исцеления продолжались. При каждом новом «чуде» по городу звонили во все колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Правда, однажды принесли какого-то смертельно больного человека, который тут же и умер. После этого гроб с «царевичем» поспешили предать земле.

Вот уже почти 400 лет в Архангельском соборе покоится гроб неизвестного ребенка. Никто не решается вскрыть захоронение, хотя могилу Ивана IV в свое время (несколько десятилетий тому назад) вскрывали. И до сих пор ведутся споры о том, кому было выгодно убийство бедного царевича, кто был заказчиком убийства, у кого должны были мелькать «мальчики кровавые в глазах».

Фаворитки царей

Монарх-мусульманин может иметь много жен, в гаремах у турецких султанов их бывало до трех сотен. Монарх-христианин должен иметь только одну жену, все остальные любимые женщины называются фаворитками, с ними монарх может легко расстаться в любой день (в отличие от законной жены). Расскажем здесь о некоторых фаворитках русских императоров.

Многолетней фавориткой Петра I была Анна Монс, дочь виноторговца, жившего в Немецкой слободе в Москве. Петр I подумывал даже жениться на ней и поэтому сослал в монастырь свою законную жену Евдокию Федоровну. Но Анна не знала об этих планах и вышла замуж за прусского посланника Г. И. Кейзерлинга. Петр I быстро утешился, отобрав у своего слуги А. Д. Меншикова его экономку, Марту Скавронскую, которую тот забрал у фельдмаршала Б. П. Шереметева, взявшего ее из числа шведских пленных.

Марта (в православии – Екатерина) была фавориткой Петра I около 7 лет, родила ему 11 детей, из которых 9 умерли в младенчестве. Петр I никак не решался на ней жениться, ибо она была низкого происхождения (из крестьян). Наконец, он все же решился и торжественно обвенчался с Екатериной (Мартой). Осенью 1724 г. Петру I донесли, что Екатерина изменяет ему с Виллимом Монсом, братом его бывшей фаворитки Анны Монс. Разгневанный царь повелел Виллима казнить.

Были у Петра I и кратковременные связи, например с Марией Даниловной Гамильтон, фрейлиной Екатерины. Вскоре царь расстался с Марией, и она сошлась с царским денщиком Иваном Орловым. Родившегося через несколько лет ребенка Мария задушила, за что была бита кнутом и казнена.

Петр II умер в возрасте 14 лет, говорить о его фаворитках не приходится.

Фавориткой Петра III была Елизавета Романовна Воронцова. Это была некрасивая особа, к тому же хромая от рождения. Но она приходилась родной племянницей канцлеру М. И. Воронцову, что в глазах Петра III компенсировало ее недостатки. Царь Петр III пожаловал фаворитке орден св. Екатерины, и Елизавета Воронцова стала первой в России женщиной-орденоносцем.

У Павла I фавориткой была Екатерина Ивановна Нелидова. Происходившая из бедной дворянской семьи (к роду Нелидовых относился и Юрий Отрепьев, известный как Лжедмитрий I), она окончила Смольный институт благородных девиц и стала фрейлиной царицы Марии Федоровны. Своим общительным характером, обаянием, грацией, художественными талантами она выгодно отличалась от царицы и вскоре приобрела большое влияние на царя. Все ее друзья и родственники заняли тепленькие местечки при дворе. Нелидова даже заступилась однажды за царицу Марию Федоровну, когда Павел I чуть было не отправил ее в изгнание в Холмогоры (Архангельской губернии). Обе женщины относились друг к другу холодно, но потом подружились, когда у Павла I появилась новая фаворитка, Анна Петровна Лопухина. Царь пожаловал ей орден св. Екатерины, осыпал другими милостями, но та тяготилась близостью со вспыльчивым и непредсказуемым царем. Довольно скоро, испросив разрешение у царя, она вышла замуж за князя П. Г. Гагарина. А в царском дворце вновь появилась Нелидова.

Александр I много ездил по стране, в любом из городов к нему приводили на ночь местных дам. Этих случайных женщин нельзя называть фаворитками. Длительная связь у Александра I была с Марией Антоновной Нарышкиной, которая родила ему дочь Софью. Александр I был очень привязан к дочери; две девочки, родившиеся у царицы Елизаветы Алексеевны, умерли в младенчестве. Софья также умерла в возрасте 16 лет.

Николай I заботился о том, что ныне называется имиджем. Он избегал заводить фавориток, во всяком случае, желал, чтобы об этом никто не узнал. Однако за 30 лет царствования фаворитки у царя все-таки появлялись, а сохранить тайну было невозможно. Мы здесь

отметим Варвару Аркадьевну Нелидову (родную племянницу уже упоминавшейся Екатерины Нелидовой) и Софью Александровну Урусову (в замужестве Радзивилл). Обе были фрейлинами царицы, и Николай I не смог избежать искушения.

Александр II, будучи еще наследником-цесаревичем, имел фавориткой Марию Васильевну Трубецкую (в замужестве Столыпину). На склоне лет Александр II, будучи уже отцом восьмерых детей в законном браке, не на шутку влюбился в Екатерину Михайловну Долгорукову. Он поселил ее в Зимнем дворце, где она воспитывала своих троих детей от императора. Конечно, царица Мария Александровна была этим недовольна, но перечить самодержцу считалось недопустимым. После смерти царицы Александр II женился на Екатерине Долгоруковой морганатическим браком, дав ей и ее детям титул князей Юрьевских.

Наследник-цесаревич Александр был возмущен столь легкомысленным поведением своего 62-летнего отца, но и он не смел перечить царю. Зато, когда Александра II убили террористы, Александр III не только выселил семью князей Юрьевских из Зимнего дворца, но и выслал их за пределы страны, то есть в эмиграцию. Сам Александр III, как уверяют историки, фавориток не имел.

У Николая II фавориткой была балерина Матильда Феликсовна Кшесинская. Их роман протекал в то время, когда Николай был еще наследником-цесаревичем. Перед тем как вступить в законный брак, Николай II «передал» балерину великому князю Сергею Михайловичу, а от него через 22 года она перешла к великому князю Андрею Владимировичу. Тот в возрасте 74 лет женился на Матильде морганатическим браком. А сама Матильда, пережив всех своих высокородных любовников, дожила до 99 лет.

Рассказывая о фаворитках царей, нельзя не вспомнить фаворитов цариц. Обе Екатерины и Елизавета были совершенно неумны, одаривая понравившихся им мужчин. Они раздавали им графские и княжеские титулы, высшие воинские чины, ордена, поместья, дворцы, огромные денежные суммы. Цари по отношению к своим дамам сердца были гораздо сдержаннее. Правда, Николай II построил для Матильды Кшесинской красивый особняк в столице (на Петроградской стороне). Но он заметно уступает Мраморному, Аничкову или Таврическому дворцам, которые царицы строили для своих фаворитов.

Поскольку любовь – чувство святое, закончим наше повествование строками из Библии: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви» («Песнь песней», 2:5).

Заслуженные награды

Первый орден в России ввел Петр I – то был орден св. апостола Андрея Первозванного. Петр I награждал этим орденом в основном за военные заслуги: фельдмаршалов А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, генерала (будущего фельдмаршала) Я. В. Брюса, генерал-адмиралов Ф. А. Головина и Ф. М. Апраксина, самого себя, а также еще двенадцать, включая пятерых иностранцев.

Екатерина I за два года своего правления наградила этим орденом 18 человек, в том числе 6 иностранцев. Анна Ивановна – 24 человека (в том числе и себя), Елизавета Петровна – 83 человека. Петр III за полгода царствования успел наградить Андреевским орденом 15 человек, а Екатерина II (за 34 года царствования) – 100 человек (включая себя).

Всего Андреевский орден в качестве награды получили свыше тысячи человек. Среди них были и достойные лица – фельдмаршалы А. В. Суворов, П. А. Румянцев, генерал П. И. Багратион, адмирал С. К. Грейг, но было много таких, чьи имена ничего не говорят нашим современникам.

Нередко ордена давали в связи с каким-либо политическим событием. Так, в 1807 г. Александр I, войска которого проиграли несколько сражений Наполеону Бонапарту, вынужден был заключить с ним тяжелый для России мир. Оба императора решили обставить подписание мира торжественно. Они встретились на плоту посредине пограничной реки Неман. После подписания текста мирного договора Александр I вручил Наполеону 5 орденов св. Андрея Первозванного: он наградил лично Наполеона, его брата Жерома, двух маршалов – Л. Бертье и И. Мюрата, а также министра иностранных дел Ш. Талейрана. Наполеон передал русскому императору 5 орденов Почетного легиона.

При Екатерине II был введен орден св. Великомученика и Победоносца Георгия – для наград за военные заслуги. Этот орден имел 4 степени, и предусматривалось награждение последовательно с низшей (четвертой) степени до высшей (первой). В действительности Георгиевский крест первой степени имели 25 человек (сама Екатерина II, князь Г. А. Потемкин, граф А. Г. Орлов и др.), а полных кавалеров Георгиевского ордена всех четырех степеней было всего четверо: фельдмаршалы М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич и И. И. Дибич.

В годы Первой мировой войны, столь несчастливо протекавшей для России, Николай II никого не наградил орденом св. Георгия первой степени, и ордена второй степени было удостоено шестеро: великий князь Николай Николаевич (верховный главнокомандующий), генералы Н. И. Иванов, Н. В. Рузский, Н. Н. Юденич, а также два верховных главнокомандующих войсками Антанты – Ф. Фош и Ж. Жоффри. Сам себя Николай II наградил Георгиевским крестом только четвертой степени.

Интересно, что все три российских генерала, удостоившихся за военные заслуги Георгиевского креста второй степени, получили широкую известность уже после войны. Иванова царь направил на умирение революционного Петрограда (но из этого ничего не вышло). Рузский был одним из тех, кто настоял на отречении царя, когда тот прибыл в Псков, в его штаб. Юденич во время Гражданской войны пытался взять Петроград (из этого тоже ничего не вышло).

А вот французский маршал Фош подписал от имени стран Антанты акт о капитуляции Германии. Фош вполне мог бы рассчитывать на новый российский орден, но в России в то время шла Гражданская война, там было не до него.

В годы войны право награждать орденами и медалями младших офицеров и низших чинов предоставлялось военачальникам – начиная с командира дивизии. Конечно, возникали курьезные случаи. Один такой пример дал писатель и врач В. В. Вересаев в книге «На Японской войне». Но предварительно мы должны сделать небольшое отступление.

В то время медицинскими сестрами работали лица исключительно дворянского происхождения. Тяжелую и трудную работу нынешних медсестер выполняли мужчины-фельдшеры. А тогдашние медицинские сестры, одетые в безукоризненно белые халаты и накрахмаленные белые косынки с красным крестом, исполняли скорее декоративные функции. Они чинно ходили по палатам, ставя больным и раненым градусники, разносили лекарства, следили за раздачей пищи. Военное начальство считало также, что сестры должны развлекать господ офицеров и генералов.

Как пишет Вересаев, из сформированного в Москве госпиталя, где главным врачом был А. Л. Давыдов, в Маньчжурию выехали только две медсестры, а остальные были доукомплектованы в Иркутске из числа местных членов общества Красного Креста. По приезде в Маньчжурию медсестры-москвички часто по вечерам отправлялись в штаб корпуса, где весело проводили время до утра. Вскоре москвички были награждены золотыми медалями. «За усердие» на анненских лентах (орден св. Анны – седьмой по значению). Соблюдая приличия, медалями наградили и всех остальных сестер госпиталя, но, во-первых, только серебряными, и, во-вторых, на Станиславских лентах (орден св. Станислава – восьмой по значению).

Потом медсестры-москвички получили новые золотые медали на георгиевских лентах (орден св. Георгия – пятый по значению). Главный врач Давыдов как офицер был награжден орденом св. Анны второй степени с мечами (дополнительный знак, усиливающий значение награды).

Братья Зубовы

Наиболее известен читающей публике Платон Александрович Зубов. 22-летний поручик вдруг понравился 60-летней императрице Екатерине II, и она сделала его своим фаворитом. Предмет своей последней любви царица осыпала многочисленными наградами. Платону жаловались многие поместья, общая численность его крепостных превысила 30 000 душ. Фаворита постоянно награждали различными орденами, вплоть до высшего – ордена св. Андрея Первозванного. В течение семи лет Платон с 11-го места по Табели о рангах поднялся до 2-го, став генерал-аншефом. Одновременно он был генерал-фельдцейхмейстером (главнокомандующим артиллерией), главнокомандующим Черноморским флотом, таврическим губернатором, и все это не покидая покоев Зимнего дворца в столице.

Своего отца, отставного майора, Платон провел в обер-прокуроры Сената, где тот через год (заслужив славу отъявленного мздоимца) получил для себя и для своих четверых сыновей графский титул. А потом влюбленная Екатерина II приказала своему послу в Вене А. К. Разумовскому добиться у тамошнего императора Франца II для своего молодого фаворита титула светлейшего князя Священной Римской империи (каковой титул и был получен).

После смерти Г. А. Потемкина Платон Зубов стал фактическим руководителем всей внешней и внутренней политики империи. Сколь успешно он это делал, видно из следующего примера. Платон отправил в Англию с личным посланием Екатерины II к тамошнему королю Георгу III французского эмигранта графа д'Артуа. За графом числились большие долги разным частным лицам. По тогдашним английским законам всякий должник (кроме короля и членов парламента) мог быть подвергнут тюремному заключению, если его долг превышал 10 фунтов стерлингов. Платон Зубов об этом не знал – он отправил графа д'Артуа в опасное для него путешествие. И лишь вмешательство русского посла в Лондоне С. Р. Воронцова, специально прибывшего на корабль и убедившего графа не сходить на берег, а плыть восвояси, спасло ситуацию.

Платон Зубов затеял поход в Персию. По плану недавнего поручика русские войска должны были через Кавказ вторгнуться в Персию, потом развернуться к Турции и достичь черноморских проливов с востока. Екатерина II утвердила этот фантастический план и предложила А. В. Суворову командовать войсками. Тот наотрез отказался. Вообще Суворов откровенно называл Платона Зубова «болваном». Платон вынужден был терпеть, ибо старый фельдмаршал приходился тестем его брату, Николаю.

Зато все остальные перед Платоном раболепствовали. М. И. Кутузов (будущий фельдмаршал, а тогда всего лишь генерал-лейтенант) специально приезжал к Платону за час до его пробуждения, чтобы особенным образом сварить для него кофе, который потом относил фавориту – на виду у множества посетителей.

Платон Зубов так искренне плакал по случаю кончины Екатерины II, что Павел I, который ранее его ненавидел, вдруг пожалел осиротевшего фаворита, назначив его инспектором кавалерии. Но уже через два месяца император уволил Платона и отправил в ссылку в одно из его имений.

А 2 ноября 1800 г. царь Павел I вдруг объявил амнистию всем исключенным из службы. Вернувшись в столицу, Платон стал начальником Кадетского корпуса – и тут же примкнул к тайному заговору против царя. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. он был среди тех, кто проникли в спальню к царю. Вынув из кармана мундира акт об отречении, Платон предложил Павлу I подписать документ. Тот гордо отказался:

– Вы можете меня убить, но я умру вашим императором!

Платон резко отвернулся, а остальные заговорщики накинудились на строптивного царя и убили его.

Новый царь, Александр I, был некоторое время любезен с Платоном, но установил за ним тайную слежку. Тогда Платон попросился в отставку, захотел уехать за границу и был отпущен. Когда через несколько лет Платон вернулся, то некоторое время принимал участие в обсуждении государственных дел, но потом вновь был уволен – теперь уж окончательно. Один из богатейших людей своего времени, Платон Зубов хорошо обеспечил своих многочисленных сыновей (законных и побочных числом около десяти), положив в банк на имя каждого по миллиону рублей. (Для сравнения: месячный оклад артиста императорского театра составлял 25 рублей.)

Валериан Зубов был на четыре года моложе Платона. Будучи в качестве брата Платона представлен Екатерине II, он обратил на себя ее внимание высоким ростом и хорошей статью. Впоследствии поэт Г. Р. Державин воспел Валериана в оде «К красавцу». Платон сразу же стал ревновать брата и добился скорой его отправки в действующую армию к Г. А. Потемкину. Тот юношу берег от стычек с неприятелем, используя его для более легких и выгодных поручений. Так, Валериан привез в Петербург известие о взятии г. Бендеры. Екатерина II, обрадовавшись приятному сообщению, одарила юношу милостями: присвоила чин полковника, пожаловала 10 000 рублей, золотую табакерку и перстень с собственной руки.

Через год Валериан Зубов вновь приехал в столицу – с известием о взятии Измаила, за что получил чин бригадира. (Взявший Измаил генерал-аншеф Суворов не получил никакого повышения.)

После смерти Потемкина Валериан вновь прибыл в Петербург, где изъявил готовность отправиться волонтером в армию союзников по антифранцузской коалиции – и сразу же был произведен в генерал-майоры (ему тогда было всего 20 лет).

Через три года он участвовал в подавлении восстания поляков в Варшаве. Одним и тем же ядром оторвало левую ногу генералу Зубову и правую руку – полковнику Рароку. Генерала тотчас доставили в полевой госпиталь, где ему ампутировали ногу, перевязали культю и отправили в тыловой госпиталь. Полковника оставили на поле боя без всякой помощи, и он умер от потери крови.

Когда Валериан Зубов вернулся в Петербург на деревянной ноге, Екатерина II наградила его орденом св. Андрея Первозванного, выделила ему 100 000 рублей на лечение, сверх того – 300 000 рублей на уплату карточных долгов, подарила ему дом на Миллионной улице (вблизи Зимнего дворца) и назначила ежегодную пенсию в 130 000 рублей. Но Валериан из армии не уволился, а согласился возглавить Персидский поход (вместо Суворова). За это сразу же был произведен в генерал-аншефы.

В Персидском походе русским войскам первоначально сопутствовала удача, они овладели городами Дербентом и Баку, но вскоре выяснилось, что армия увязла в длительной и кровопролитной войне. Павел I, вступив на престол, написал повеление к каждому из командиров полков: «С получением сего выступить на неперменные квартиры» в такую-то губернию, в такой-то город. Царь хотел, чтобы спешное возвращение войск совершилось без ведома главнокомандующего. Зубов и его штаб, покинутые на неприятельской земле, неминуемо оказались бы в плену у персов, если бы атаман М. И. Платов не ослушался царя и не остался со своими казаками охранять Валериана Зубова. По возвращении в Петербург Платов был посажен в Петропавловскую крепость, где пробыл 3 года, пока самому Павлу I не захотелось начать очередной Персидский поход. Платов был назначен командующим, а Валериана Зубова, лишив всех его имений, отправили в ссылку – к брату Платону.

Но потом, как и Платона, его амнистировали и тоже дали под командование Кадетский корпус. Как и Платон, Валериан Зубов участвовал в заговоре против Павла I, но на своей деревянной ноге он доковылял до Михайловского замка слишком поздно – когда царя уже убили.

Николай Зубов знаменит тем, что первым известил наследника-цесаревича Павла о смерти Екатерины II. С этого момента Павел становился наконец-то императором. Павел так обрадовался, что наградил гонца орденом св. Андрея Первозванного. Так Николай стал

третьим из братьев, получившим высшую награду страны. Николай был женат на Наталье Александровне Суворовой, дочери полководца. Николай также участвовал в заговоре против Павла I, он первым нанес удар в висок императору тяжелой золотой табакеркой, которую когда-то царь ему и подарил.

Дмитрий Зубов, четвертый из братьев, также служил в гвардейских полках, дослужился до чина бригадира, потом вышел в отставку. Он пережил всех своих знаменитых братьев, сам не совершил ничего выдающегося – ни хорошего, ни плохого.

Шерше ла фам!

Выражение, вынесенное в заголовок, в переводе с французского означает «ищите женщину!». Французы утверждают, что во всякой злой интриге, где замешана любовь, нити интриги находятся в руках какой-то коварной женщины.

В истории дуэли и смерти А. С. Пушкина, как кажется, есть одна женщина – жена поэта, Натали Пушкина (Гончарова). Она длительное время легкомысленно позволяла ухаживать за собой Жоржу Дантесу и даже ездила к нему на свидание. Но, будучи страдающей стороной, она не могла создать интригу против самой себя. Поэтому историки на роль главного интригана выдвигали других лиц: жену министра К. В. Нессельроде, графиню С. А. Бобринскую, а также мужчин – князя И. С. Гагарина, барона Л. Геккерна де Беверваарда. Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, что нити злой интриги шли от Идалии Григорьевны Полетика.

Ее отец, барон (затем граф) Г. А. Строганов, был в начале XIX века русским послом в Испании. Там он сблизился с женой одного придворного (графа д'Ега), родилась дочь, которую называли Идалией. Через много лет, когда умер граф д'Ега, а Строганов овдовел, родители Идалии вступили в законный брак. Так Идалия оказалась в Петербурге и стала жить во дворце Строгановых (на углу набережной р. Мойки и Невского проспекта).

Семейство Строгановых было в родстве с семейством Гончаровых, и Идалия приходилась троюродной сестрой и Натали, и ее сестрам, Екатерине и Александрине. Пушкин на правах родственника часто бывал во дворце Строгановых, слушал рассказы старого и ослепшего графа о заморских странах (а тому, кроме Испании, довелось побывать в Англии, Германии, Италии). Пушкину все было интересно, ибо самому не удалось побывать за рубежом.

Идалия на правах родственницы тоже часто бывала в доме Пушкиных (они часто меняли квартиры, но в 1836 г. жили на набережной р. Мойки, недалеко от дворца Строгановых). Сама же Идалия к тому времени жила в Новой Деревне, где располагался Кавалергардский полк, в котором полковником служил ее муж, А. М. Полетика. В этот полк служили и часто бывали в доме своего полковника офицеры Ж. Дантес и П. П. Ланской (впоследствии – второй муж Натали).

Идалия все время одолевала Пушкина просьбой написать ей стихи в альбом. Пушкин долго отказывался. Раньше, когда был холост, он частенько писал стихи в альбомы светских красавиц, но, став женатым, считал это неприемлемым. И все же Идалия его уговорила (сейчас бы сказали «достала»). Немного подумав, Пушкин сочинил экспромт, потом взял в руки гусиное перо и написал текст на странице альбома своей родственницы. Размашисто расписался. Затем перечел написанное – и смутился: стихи получились такие, что можно было подумать, будто поэт влюблен в хозяйку альбома. Пушкину не хотелось, чтобы такие стихи были бы использованы против него. Он поставил дату: 1 апреля 1836 г., хотя была уже поздняя осень. Стихотворение, похожее на признание в любви, превратилось в первоапрельскую шутку.

Идалия, видя, как Пушкин пишет стихи ей в альбом, млела от восторга. Она предвкушала, как будет хвастаться этими стихами перед своими друзьями. Восторг сменился ликованием, когда она начала читать текст. Но что это? Такая несуразная дата! Идалия поняла, что эти стихи ей никому показывать нельзя. Она почувствовала себя оскорбленной и решила отомстить Пушкину.

Через некоторое время Натали получила от Идалии записку: та приглашала ее приехать к себе, чтобы поделиться важной новостью. Ничего не подозревавшая Натали поехала к родственнице в Новую Деревню (приблизительно полчаса езды в карете или санях). Идалия, однако, куда-то торопилась, сказала, что скоро вернется, и просила Натали подождать ее. А

чтобы та не скучала, ее готов развлекать поручик Дантес, который тут же явился из соседней комнаты. Идалия быстро исчезла, Натали осталась в обществе Дантеса.

О том, что происходило потом, известно из воспоминаний княгини Веры Федоровны Вяземской, к которой Натали приехала вскоре очень взволнованной. По словам Натали, Дантес, когда они остались в комнате одни, вынул пистолет и сказал, что непременно сейчас застрелится, если Натали ему тут же не отдастся. Он-де ее безумно любит, жизнь ему дорога, а Натали, став причиной его смерти, будет вечно терзаться за свою бесчувственность. Натали (по ее словам) была ошеломлена таким напором, она пыталась образумить офицера, но тот упорствовал, то хватаясь за пистолет, то хватая Натали за руки. Вдруг открылась дверь, в комнату вошла малолетняя дочь Идалии, и Натали вместе с нею вышла из комнаты.

В этом рассказе нас смущает одно обстоятельство. Как мог Дантес, подготовивший (вместе с Идалией) ловушку для Натали, не позаботиться о том, чтобы дверь в комнату была закрытой. Для опытного повесы, каким был Дантес, это непростительный «прокол».

Неизвестно, возникли ли у княгини Вяземской такие же сомнения, но она посоветовала Натали ничего мужу не говорить. Пушкин последнее время очень нервничал; летом, будучи в Москве, он по совершенно незначительному поводу вызвал на дуэль графа В. А. Соллогуба. Друг Пушкина, П. В. Нащокин, которого поэт просил быть его секундантом, смог тогда дуэль предотвратить. Сейчас Пушкин вполне мог вызвать на дуэль Дантеса, а Нащокин, живущий в Москве, ничего не будет знать.

Княгиня Вяземская и Натали благоразумно решили держать Пушкина в неведении относительно злополучного свидания в доме Полетики. Но Пушкину об этом услужливо сообщили. Александр Сергеевич поинтересовался у жены, как было дело. Та повторила то, что рассказала ранее княгине Вере Федоровне. Пушкин без колебаний вызвал Дантеса на дуэль.

До конфликта с Дантесом Пушкин вызывал на дуэль не только Соллогуба, но еще более десяти разных лиц. Дважды дело доходило до пистолетов. Но Пушкин никого из своих недругов не убил и не ранил, да и сам остался цел и невредим. Однако все это было до истории с Дантесом.

Пуля Дантеса попала Пушкину в живот и, не будучи извлечена (тогда не было рентгена и определить местонахождение пули оказалось невозможным), вызвала заражение крови и смерть поэта. Пушкин стрелял уже будучи раненым, лежа на земле, поэтому его пуля летела под углом. Задев руку Дантеса, пуля ударилась о медную пуговицу офицерского мундира и рикошетом отлетела в сторону. Дантес отделался легким ранением руки, хотя и упал от сильного толчка пули.

Пушкин погиб. Полетика прожила после этого еще полвека, последние годы – в Одессе. Когда узнала, что там решили поставить памятник Пушкину, собиралась специально приехать, дабы плюнуть на статую. До открытия (в 1885 г.) памятника злая старуха не дожид.

Родственные связи

Героем этой истории является великий князь Михаил Михайлович, в дальнейшем – Мих. Мих. Он был вторым сыном великого князя Михаила Николаевича, генерал-фельдмаршала, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Мих. Мих. как и его отец, служил в армии – флигель-адъютантом в гвардейском Егерском полку. Служба его не удовлетворяла, к тому же на штабной должности чины шли медленно, и он не имел надежды повторить служебный успех отца. Мих. Мих. надеялся, что сможет себя по-настоящему проявить в семейной жизни.

Согласно законам Российской империи великие князья из рода Романовых должны были жениться династическим браком, то есть на представительницах других правящих родов (принцессах, королевах и т. д.). Это делалось для того, чтобы сохранялось как можно больше наследников российского престола из рода Романовых. Нединастический, то есть морганатический, брак разрешался лишь с согласия самого императора. Мих. Мих. дважды имел возможность вступить в династический брак, но всякий раз свадьба расстраивалась. И тогда он решил, что ему надлежит жениться морганатическим браком.

В предстоящем разговоре с царем он имел, как ему казалось, два веских довода. Во-первых, его очередь в ряду наследников престола была в конце второго десятка, и реального ущерба династии Романовых его брак не нанес бы. Во-вторых, в памяти у всех еще была свежа история с покойным императором Александром II, который после смерти своей жены Марии Александровны (бывшей принцессы Гессенской) женился на русской княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой. Мих. Мих. присмотрел себе дочь министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева, Екатерину. Утвердившись во мнении, что имеет неплохие шансы на взаимность, он завел разговор о своем предполагаемом браке с Александром III. Тот ответил категорическим отказом.

Несостоявшаяся великокняжеская невеста Екатерина посвятила всю свою жизнь служению больным и страждущим, став медицинской сестрой. Через 20 лет, во время русско-японской войны, она поехала в далекую Маньчжурию, чтобы работать в госпитале.

А самого Мих. Мих. Александр III отправил за границу наблюдать за лечением его младшего брата Георгия. Через год Георгий поправился, вернулся в Россию и женился на дочери греческого короля Георга I, Марии, приходившейся Георгию и Мих. Мих. двоюродной племянницей. Родственные связи в династических браках были неизбежными из-за узости круга избираемых лиц. Еще один брат Мих. Мих., Александр, также женился на своей двоюродной племяннице, Ксении, приходившейся родной дочерью императору Александру III.

Когда брат Георгий уехал в Россию, Мих. Мих. остался за границей, как тогда представлялось, на некоторое время. Он встретил там графиню Софью Николаевну Меренберг, влюбился в нее и, не спрашивая разрешения у царя, женился морганатическим браком. Софья, правда, имела некоторые основания на признание династических прав, но об этом позже. Главное – она приходилась внучкой самому Александру Сергеевичу Пушкину!

Когда Александр III узнал, что внук Николая I женился на внучке Пушкина, он сильно разгневался. Царь распорядился исключить негодника из рядов российской армии, запретил ему въезд в Россию, лишил причитающихся ему как великому князю денежных субсидий. Мать Мих. Мих., Ольга Федоровна (бывшая принцесса Баденская), умерла от сердечного приступа. Мих. Мих. получил поддержку от своего отца-фельдмаршала, на предоставленные ему средства купил два дома – в Англии и во Франции, и далее в течение 35 лет жил безмятежно за рубежом вместе с женой Софьей. У них было двое детей. Младшая дочь, Надежда, вышла впоследствии замуж за германского принца Людвига Баттенберга, родственника по материнской линии и русских царей, и английских королей. Это родство осуществлялось через датских принцесс Александру и Дагмару, на которых были женаты соответственно английский король

Эдуард VII и русский царь Александр III. А по отцовской линии Людвиг Баттенберг был родственником болгарского царя.

Теперь вернемся к генеалогическому древу Софьи Меренберг. Ее мать, Наталья Александровна, была младшей дочерью великого поэта. Во втором браке она была женой герцога Нассауского, Николая (старший брат которого, Адольф Вильгельм, между прочим, был женат на внучке русского царя Павла I). По условиям морганатических браков Наталья Пушкина не могла стать герцогиней Нассауской, она стала графиней Меренберг, этот титул перешел и к детям – Софье и Георгу.

Адольф Вильгельм вскоре стал правящим герцогом Люксембургским. По просьбе Мих. Мих. он пожаловал своей племяннице Софье титул наследственной графини де Торби: так брак Мих. Мих. и Софьи перестал быть морганатическим. Тотчас русский царь (к тому времени Николай II) разрешил Мих. Мих. вернуться с семьей в Россию, снова зачислил его в армию, присвоил чин подполковника и даже определил ему место службы (на Кавказе, вблизи родового имения Тори). Но Мих. Мих. предпочел остаться за рубежом.

Мих. Мих. не мог смириться с тем, что в связи с морганатическим (в ту пору) браком возник скандал, стоивший жизни его матери. В то же время, когда в аналогичной ситуации оказался великий князь Кирилл Владимирович, шума было значительно меньше. Когда Кирилл женился на Виктории, отбив ее у герцога Эрнста (брата русской царицы Александры Федоровны), Николай II наказал не самого Кирилла, а его отца, сняв его с должности командующего войсками столичного гарнизона. В тот момент Кирилл был четвертым по счету наследником престола. (После революции именно Кирилл провозгласил себя главным претендентом на российский трон.)

Умер Мих. Мих. в 1929 г. в возрасте 68 лет, всего на два года пережив свою жену, Софью де Торби-Романову.

А родной брат Софьи, Георг Меренберг, женился на дочери Александра II от Екатерины Юрьевской, Ольге. Этот брак вторично связал род Романовых с родом Пушкиных. Надежда Романова, например, по отцу была правнучкой Николая I, а по матери – правнучкой Пушкина.

Верните долг!

Россия и Турция не всегда воевали друг против друга; был период, когда они сражались плечом к плечу. В течение трех последних лет XVIII века совместная русско-турецкая эскадра под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова освободила от французов Ионические острова в Средиземном море. На острове Корфу (Керкира) к русским морякам попал 54-пушечный линейный корабль «Леандр».

Этот корабль участвовал в знаменитом морском сражении при Абукире, когда английский флот под командованием адмирала Г. Нельсона разгромил французский флот, и армия Наполеона Бонапарта в Египте оказалась отрезанной от Франции. Адмирал Нельсон отправил один из своих линкоров, «Леандр», в Англию с известием о славной победе. Но корабль был перехвачен французами и так попал на о. Корфу. По традиции того времени захваченное судно становилось призом победителя. Адмирал Ушаков назначил капитана первого ранга Н. Г. Литвинова командиром линкора и велел ему поднять на мачте Андреевский флаг.

Но Павел I решил проявить по отношению к Англии благородство и вернуть ей «Леандр». Повинуясь высочайшему повелению, русский капитан Литвинов передал линкор английскому капитану Стефенну.

Английский король Георг III тоже решил проявить благородство и направил в Петербург 10 000 фунтов стерлингов (120 000 рублей) в качестве приза тому, кто первым овладел кораблем. Эти деньги получил английский посол в Петербурге Ч. Уитворт.

Но неожиданно Павел I рассорился с англичанами. В начале 1800 г. Уитворт покинул Петербург. Военная кампания против Франции была завершена, Павел I начал готовить новую кампанию – против Англии.

В связи с завершением русско-турецкой экспедиции против французов капитан Литвинов вернулся в Россию. Тут ему сообщили не совсем ясные слухи о том, что его ожидает огромная сумма за захват «Леандра». Литвинов прибыл в Петербург, добился аудиенции у царя в феврале 1801 г. и попросил его выдать ему причитающиеся деньги, присланные англичанами. Павел I подтвердил, что денежный приз принадлежит капитану Литвинову и обещал ускорить прохождение нужных документов, которые застопорились из-за отбытия английского посла.

Как известно, Павел I резко сократил число чиновников, ведавших делопроизводством, все пытался делать сам, для чего начинал свой рабочий день в 6 часов утра. Документами относительно приза капитана Литвинова Павел I не успел распорядиться: через пару недель царя убили.

Потом в Петербург прибыл новый английский посол Б. Уоррен. Через 2 года он перевел хранившиеся в посольстве деньги на счет российского Министерства морских сил. Министр П. В. Чичагов не знал об устном обещании Павла I капитану Литвинову. До министра дошли только не совсем ясные слухи о назначении этой суммы. Чичагов распорядился разделить деньги между всеми адмиралами и офицерами, отличившимися при штурме о. Корфу.

Литвинова в России в ту пору не было – он принимал участие в очередной антифранцузской коалиции, находясь в Неаполитанском королевстве. Вернувшись в Россию, он обратился к Александру I с просьбой о выдаче принадлежавших ему денег. А что выдавать, когда деньги уже потрачены? Но и отказать храброму капитану нельзя: штурм о. Корфу еще не изгладился в памяти. Александр I распорядился выдать Литвинову из причитавшегося приза 25 000 рублей, а остальные записать в долг.

Долг – так долг, капитан Литвинов стал терпеливо ждать. Прошли годы. Литвинов сменил морскую форму на общеармейскую, а чин остался прежний – полковник. Деньги пока что из царской канцелярии не поступали. Напоминать о себе было как-то неудобно.

Началась Отечественная война 1812 г. Уходя на фронт, полковник Литвинов оставил своей жене, Авдотье, доверенность на получение причитавшейся ему суммы 95 000 рублей. Для жены, на руках у которой оставалось пятеро малолетних детей, эти деньги были бы очень кстати. Поэтому она обратилась с письмом к канцлеру Н. П. Румянцеву. Тот переслал письмо военному министру С. К. Вязмитинову. Бумага три года ходила по разным учреждениям, а денег Литвинова не получила.

В 1815 г., по завершении войны с Наполеоном, вернулся домой полковник Литвинов, больной и израненный. Через три месяца он умер. Вдова, отчаявшись получить деньги сама, переуступила права на получение призовых денег купцу первой гильдии Ф. И. Юдину. Но и расторопный купец не мог преодолеть бюрократических барьеров. Дело осложнялось тем, что виновный в израсходовании суммы не по назначению адмирал Чичагов сразу после завершения Отечественной войны (где он оскандалился, «выпустив» Наполеона) покинул пределы России.

Через 10 лет (!) к борьбе за возвращение долга подключился старший сын Литвинова, отставной подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка П. Н. Литвинов. Года два ушло у него на тяжбу с Юдиным, который долго не хотел переуступать свою доверенность. Наконец, получив от купца требуемую бумагу, отставной подпоручик сам стал ходить по инстанциям, но с тем же результатом. В 1830 г. он в сердцах бросил эту канитель после того, как с него самого затребовали 8 рублей за предоставление копии какой-то справки.

Вернуть долг всегда было большой проблемой, получить долг от государства – безнадёжной затеей.

Обман во спасение

2 декабря 1805 г. произошла битва под Аустерлицем. В этом сражении участвовали с одной стороны – французские войска (73 тысячи человек) под водительством Наполеона Бонапарта, с другой стороны – объединенные силы Австрии (15 тысяч) и России (60 тысяч).

В войсках союзников находились одновременно оба монарха: австрийский император Франц II и российский император Александр I. Оба они не считали себя достаточно опытными полководцами и поэтому решили пригласить в качестве главнокомандующего настоящего военного специалиста, который (как они надеялись) мог бы противостоять военному искусству Наполеона. Выбор пал на французского генерала Ж. Моро, который из-за разногласий с Наполеоном сбежал в Америку. Александр I послал в Америку за Моро одного из своих придворных, а пока – до его приезда – назначил главнокомандующим русского генерала М. И. Кутузова.

Французы и союзники долго маневрировали, прежде чем остановились на поле близ Аустерлица (ныне г. Славков, Чехия). Александр I и Франц II вознамерились, не откладывая, дать сражение Наполеону на этом поле, тем более, что союзникам удалось занять господствующие высоты. Осторожный Кутузов возражал, доказывая, что благоразумнее подождать резервов (около 200 тысяч человек), которые вскоре должны были подойти. Но Франц II рвался в бой: три недели тому назад французы заняли столицу Австрии, Вену, захватив много пленных. Франц II жаждал реванша. Александр I отстранил Кутузова и взял на себя командование войсками.

Александр I поручил австрийскому квартирмейстеру полковнику Ф. Вейротеру составить план сражения. План обоим императорам понравился: союзные войска должны были спуститься с господствующих высот в долину, обхватить французские войска с флангов и, окружив, принудить их к сдаче. Составитель плана предполагал, что французы будут спокойно ждать, пока их окружают враги. План Вейротера был явно плохим, но оба императора его утвердили. Мнения отстраненного Кутузова никто не спрашивал.

Когда началось сражение и союзные войска начали медленно спускаться с холмов в долину, французы стремительно ринулись вперед. Они прорвались через походные порядки противника и стали их громить и с фронта, и с тыла. Потеряв много убитых, и австрийцы, и русские отступили.

Австрийский император Франц II в тот же день послал к Наполеону парламентаря, предлагая заключить сепаратный (отдельный от России) мир. Наполеон на это, конечно, согласился. И через несколько дней мирный договор между Австрией и Францией был подписан. Австрия потеряла шестую часть принадлежавших ей территорий, зато французы вернули Вену, и Франц II туда уехал.

Русский император Александр I не запросил мира, он торопился вывести свои войска со столь несчастливой для него поля под Аустерлицем. Наперерез русским устремился французский корпус под командованием генерала Л. Даву. Создалась реальная угроза полного разгрома и пленения. Тогда Александр I решил обмануть Даву.

Он выслал к французам парламентаря.

– Нам не следует сражаться, ибо уже начались мирные переговоры между императорами, – заявил русский парламентар французскому генералу.

Даву об этом ничего не знал, он потребовал письменных подтверждений. Парламентар отправился обратно в русский стан и вскоре вернулся, привезя с собой письмо самого царя. Александр I в письме, написанном по-французски, подтверждал то, что сказал парламентар, и просил беспрепятственно пропустить русскую армию. Текст письма был скреплен личной печатью российского императора.

Даву не посмел усомниться в правдивости письма. Русские войска ушли беспрепятственно. Наполеон, узнав, как русский царь обманул Даву, очень возмущался, но было уже поздно.

В Петербурге Дума Георгиевских кавалеров подготовила постановление о награждении орденом св. Георгия Победоносца первой степени императора Александра I. Царь от такой чести отказался, но не полностью: он подписал указ о награждении себя этим орденом, но только четвертой, низшей степени.

Через 8 лет после описываемых событий произошло сражение, которое вошло в историю как «битва народов». В этой битве снова противостояли друг другу французы и австрийцы вместе с русскими. В союзе с французами выступали поляки, баварцы, итальянцы, а в союзе с австро-русскими войсками воевали прусские, английские и шведские части. Всего в этом сражении (которое происходило в течение трех дней вблизи Лейпцига) участвовало полмиллиона человек.

По сравнению с Аустерлицким сражением тут многое изменилось. Наполеон успел совершить свой «русский поход», закончившийся потерей почти всех его войск. Теперь под Лейпцигом Наполеон располагал не очень сильными и ненадежными войсками (саксонцы на третий день битвы изменили французам). Противник Наполеона, генерал Моро, вернулся из-за океана и стал советником при штабе войск антифранцузской коалиции. Моро в этой битве погиб.

Смелый маневр в «битве народов» совершила шведская армия под командованием своего короля Карла XIV Бернадота. Восхищенный Александр I наградил шведского короля орденом Георгия Победоносца первой степени. А в битве при Аустерлице Бернадот был французским генералом и сражался под командованием Наполеона против русских.

Известный нам Даву в «битве народов» не участвовал. Он (по приказу Наполеона) стоял со своим корпусом в Гамбурге. Когда к нему явились парламентареры и предложили сдаться, ибо Наполеон разбит и отрекся от престола, Даву парламентарерам не поверил. Он вспомнил, как его обманул русский царь Александр I, и теперь потребовал письменного уведомления от французского высшего командования. Через две недели Даву доставили из Парижа письмо от нового короля, Людовика XVIII Бурбона. Только после этого Даву приказал вывесить белые флаги.

Русскими войсками в «битве народов» командовал генерал Л. Л. Беннигсен (Кутузов к тому времени умер). Рядом со штабом Беннигсена находилась ставка царя. Александр I с волнением наблюдал за сражением, где русские войска, вдохновляемые присутствием своего обожаемого монарха, громили французов.

Наверное, Александр I вспомнил и Аустерлиц. Возможно, он думал, что тогда поступил правильно, обманув французов, ибо теперь может насладиться реваншем за былое поражение. Тогда, под Аустерлицем, он прибег не к обману, а к военной хитрости.

Браки в царской семье

Русский царь Петр I хотел выдать свою дочь Елизавету замуж за французского короля Людовика XV, но тот отказался из-за низкого происхождения ее матери (которая была простой крестьянкой). Отвергнув Елизавету, Людовик XV женился на Марии Лещинской, дочери бывшего польского короля Станислава (свергнутого с польского трона усилиями Петра I). Ясно, что эта коллизия не укрепила русско-французские отношения.

Зато в душе у Елизаветы Петровны на всю жизнь сохранилось чувство неумной тоски по отношению к Франции. Вероятно, поэтому она приняла помощь французского правительства при организации дворцового переворота, приведшего ее к власти. И по той же причине вступила в Семилетнюю войну, послав русскую армию сражаться за чуждые ей интересы. Война та была странной: русские войска выигрывали отдельные сражения, но никак не могли завершить кампанию в свою пользу. Елизавета отправила под суд одного за другим двух главнокомандующих – фельдмаршалов С. Ф. Апраксина А. Б. Бутурлина. Но виновата была не армия, а сама царица, совершившая дипломатическую ошибку.

Сестру Елизаветы, Анну, взял замуж Карл Фридрих, герцог маленького княжества Шлезвиг-Гольштейн, не погнушавшись низким происхождением ее матери. Сын Карла и Анны сделался впоследствии русским царем Петром III, а его жена, принцесса Ангальт-Цербстская, Софья, стала после него царицей Екатериной II. Новые члены российской императорской семьи, принимая православие, изменяли имя, этими новыми именами мы их и будем называть далее.

Сын Петра III и Екатерины II, Павел, был женат дважды: на принцессе Гессен-Дармштадтской Наталье Алексеевне, затем на принцессе Вюртембергской Марии Федоровне. От второго брака родилось десять детей. Старший из них – Александр – был женат на принцессе Баден-Баденской Елизавете Алексеевне, Константин – на герцогине Саксен-Кобургской Анне Федоровне, Николай – на принцессе Прусской Александре Федоровне, Михаил – на принцессе Вюртембергской Елене Павловне. Александра была выдана замуж за эрцгерцога Австрийского Иосифа, Елена – за герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Людвига, Мария – за герцога Веймарского Карла Фридриха, Екатерина – за принца Ольденбургского Георга Петра, Анна – за короля Нидерландов Вильгельма II.

Существенное значение для судьбы страны имел только брак Николая, будущего царя, который пытался воздействовать на своего шурина, прусского короля Фридриха Вильгельма IV, в своих дипломатических играх. Этим он только озлобил шурина, который в решающий момент (во время Крымской кампании) предал Николая.

Своим детям Николай I выбрал следующих супругов: Александр был женат на принцессе Гессен-Дармштадтской Марии Александровне, Константин – на принцессе Саксен-Альтенбургской Александре Иосифовне, Николай – на принцессе Ольденбургской Александре Петровне, Михаил – на принцессе Баденской Ольге Федоровне, Мария была выдана замуж за герцога Лейхтенбергского Максимилиана, Ольга – за короля Вюртембергского Фридриха Карла, Александра – за принца Гессенского Фридриха Вильгельма.

Александр II выбрал для своих детей таких супругов: Александр был женат на принцессе Датской Марии Федоровне, Владимир – на принцессе Мекленбург-Шверинской Марии Павловне, Сергей – на принцессе Гессенской Елизавете Федоровне, Павел – на принцессе Греческой Александре Георгиевне. Алексей остался холостяком, а Мария была выдана замуж за герцога Саксен-Кобургского Альфреда.

Существенное значение тут имели два брака. Муж Марии, Альфред, был сыном английской королевы Виктории, а его родная племянница, тоже Виктория, была женой германского императора Фридриха III и матерью следующего императора Вильгельма II. А жена Александра

(будущего царя Александра III), тоже Мария, была родной сестрой жены английского короля Эдуарда VII. Сын последнего, английский король Георг V, был по отцовской линии кузеном германского императора Вильгельма II, а по материнской линии – кузеном русского императора Николая II. Перед Первой мировой войной и Германия, и Россия, используя родственные связи между монархами, старались перетянуть Англию на свою сторону. Но в Англии политику осуществляет не монарх, а правительство (выбираемое парламентом), и именно оно решило, что Англия будет воевать с Россией против Германии.

Родственные связи русского царя с германским императорским домом были не только через англичан. Николай II приходился прусскому королю Фридриху Вильгельму III прапра-внуком, а Вильгельм II – правнуком. Вильгельм II неоднократно предпринимал энергичные попытки вовлечь своего внучатого племянника Николая II (а значит, и его страну) в фарватер своей внешней политики, но все закончилось безрезультатно. Родство между монархами не гарантировало их союза во время войны.

Следует отметить еще два брака членов семьи Романовых. Черногорский князь Николай смог выдать своих дочерей Милицу и Анастасию за двух братьев – великих князей Петра и Николая Николаевичей (внуков Николая I). Обе женщины составили в Петербурге сильную партию в поддержку братьев-славян на Балканах. Против них пыталась плести интриги императрица Александра Федоровна, бывшая Гессенская принцесса. Черногорки возобладали, в Первую мировую войну Россия вступила под лозунгом защиты православных братьев-славян от притеснений католиков-австрийцев. На самом деле религиозные вопросы имели едва ли не последнее значение: вместе с католической Австрией против России сражались в той войне протестантская Германия, православная Болгария и мусульманская Турция.

Русские имена цариц, принимавших православие, выбирались из очень узкого круга имен. В результате оказалось, что у Николая II мать звали Марией Федоровной, как и у Николая I. А жену Николая II звали Александрой Федоровной, так же как жену Николая I. (До перехода в православие этих четверых женщин звали соответственно Дагмара, Софья Доротея, Алиса Виктория и Шарлотта Каролина.)

Да и своих детей, рожденных в законном браке, цари предпочитали называть также ограниченным кругом имен. Начиная с Петра I, в семьях царей и наследников-цесаревичей родилось 47 детей, которые были наречены так: по 4 раза – Александром, Николаем и Павлом, по 3 раза – Алексеем, Марией, Михаилом, Ольгой и Петром.

Глядя на Августейшую семью, так же поступали и другие Романовы. В 1902 г. среди Романовых было ровно 30 великих князей, то есть братьев (родных, двоюродных, троюродных) кого-либо из царей. Среди них оказалось Николаев – 4, Дмитриев и Михайлов – по 3, Андреев, Сергеев и Константинов – по 2. Поэтому неизбежно появлялись «двойники». Но царей это, по-видимому, не волновало.

Достоверность мемуаров

Воспоминания (по-французски – мемуары) пишут многие. Историки всегда с особым почтением относятся к мемуарам, ибо это документальное подтверждение реально происшедших событий. Однако тексты мемуаров, безусловно, носят субъективный характер, полностью им доверять нельзя.

Наиболее ценно для историка описание фактов, ибо автор мемуаров нередко сообщает детали и подробности, известные только ему одному (или узкому кругу лиц). Но в оценке приведенных фактов следует проявлять сдержанность: тут пристрастия автора неизбежны.

Приведем пример, когда факту, сообщаемому мемуаристом, вполне можно доверять. Пример взят из воспоминаний В. Н. Коковцова, бывшего в 1911–1914 гг. премьер-министром и министром финансов Российской империи.

4 декабря 1912 г., за два дня до именин государя императора, военный министр В. А. Сухомлинов позвонил по телефону Коковцову. Он сообщил, что только что вернулся от государя, и тот передал ему подписанный указ Сенату о назначении командира гусарского полка В. Н. Воейкова министром по делам физического развития населения. По словам Сухомлинова, царь желал опубликовать этот указ обязательно 6 декабря, в день своего тезоименитства. Коковцову поручалось поставить визу, выделить ассигнования из бюджета, провести закон через Думу и через Сенат – и все это в течение двух дней.

В возникшем столь неожиданно деле было две тонкости. Первая: такого ведомства вообще не существовало. Можно было бы найти в бюджете деньги на повышение жалования одного человека, генерала Воейкова, но на целое новое министерство за два дня денег не сыскать. Не говоря уже о том, что перечень министерств определялся специальным указом, согласовывался с Государственной думой и с Сенатом, так что процедура потребовала бы не менее месяца.

Тонкость вторая: генерал Воейков был зятем министра двора В. Б. Фредерикса, близкого к царю человека.

Царь не мог просто так отменить указ, который он уже подписал. Поэтому Коковцов придумал компромиссный вариант: Воейков назначался на должность главнонаблюдающего за физическим развитием населения России. Ему вменялось в обязанность наблюдение за обучением военному строю и гимнастике во всех средних учебных заведениях всех ведомств. При этом у самого генерала не было никаких штатных сотрудников, зато перед ним должны отчитываться представители других министерств. Николай II принял доводы Коковцова и повелел издать указ о генерале Воейкове в новой редакции. Тут уже не требовалось ни согласия Сената, ни согласия Думы.

Этот факт, рассказанный бывшим премьером, конечно, рисует лично его в выгодном свете (как умелого царедворца), но в то же время ярко характеризует нравы в высших эшелонах власти.

Теперь приведем пример, когда фактам не следует доверять. Пример взят из воспоминаний А. Я. Панаевой (Головачевой), которая была гражданской женой поэта Н. А. Некрасова. В своих воспоминаниях она много места уделяет писателю И. С. Тургеневу. Авдотья Яковлевна изобразила его только в черных тонах: он и злословен, и высокомерен, и хвастлив, и болтлив, и злопамятен и т. д. А уж Полина Виардо, за которой много лет ухаживал Тургенев, изображена такой гадкой, что начинаешь удивляться: где у Ивана Сергеевича были глаза и уши. Но до нас дошло множество документальных свидетельств, совершенно по-другому рисующих и Тургенева, и Виардо. Вероятно, личная неприязнь Авдотьи Яковлевны к Ивану Сергеевичу оказалась чрезмерной. В отношении же В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Л. Н. Толстого и других писателей оценки Панаевой совпадают с оценками большинства мемуаристов.

Иногда автора мемуаров подводит память, когда он пишет о событиях или людях, мало запомнившихся, и тут он позволяет себе вольности. Так, в воспоминаниях А. И. Герцена о годах студенческой юности упоминается профессор химии Ф. Ф. Рейс. Он-де в своем курсе химии знал лишь одну главу – про водород, а об остальных веществах имел весьма смутное понятие. И вообще в профессора химии он попал случайно: настоящим профессором был его дядя, которого Екатерина II пригласила из Германии в Россию, старик не хотел никуда ехать – и вместо себя отправил племянника.

А вот какая информация содержится о Ф. Ф. Рейссе в справочнике о выдающихся химиках. В Россию он попал в 1804 г. – через 8 лет после смерти Екатерины II. В годы студенческой юности Герцена Рейсс был профессором химии одновременно Московского университета и московской Медико-хирургической академии (был он к тому же и врачом). В справочник о выдающихся химиках попал за свои труды: он открыл явление электрофореза и, кроме того, установил, что электролиз воды происходит при удалении электродов на расстояние до 20 аршин (15 метров). За эти работы Рейсс был избран академиком Петербургской Академии наук.

Используя данные, почерпнутые из мемуаров, надо обязательно их сопоставлять с какими-либо еще документальными свидетельствами. В своих мемуарах «Окаянные дни» И. А. Бунин пишет о тысяче заложников, расстрелянных чекистами в отместку за убийство эсерами руководителя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Бунин не пишет, что в этот день, 30 августа 1918 г., эсеры пытались убить в Москве В. И. Ленина, в результате чекисты сгоряча загубили много ни в чем не повинных людей. А вот число казненных все же значительно ниже – 260 человек.

Вольное обращение с числами характерно и для научных изданий. В Энциклопедическом словаре «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон» (1912) потери французских войск в Бородинском сражении указаны в 35 тысяч человек, в «Большой советской энциклопедии» (1927) – 52 тысячи человек, во «Всемирной истории» (1959) – 58,5 тысяч человек, то есть потери французов непрерывно возрастают. Соответственно потери русских войск составили 58, 48 и 38,5 тысяч человек, то есть потери русских войск непрерывно уменьшаются. Не забудем, что речь идет о сражении, происшедшем почти два века тому назад. Что нового нам еще предстоит узнать о Бородинской битве?

Афера века

В XX веке цена платины была выше, чем золота и серебра. Орден Суворова первой (высшей) степени изготавливался из платины, второй степени – из золота, третьей (низшей) степени – из серебра. Однако вплоть до XVIII века этот ценнейший металл вместе с пустой породой выбрасывали в отвал, а на Урале и в Сибири зерна самородной платины использовали как дробь при стрельбе.

В Европе платину стали изучать с середины XVIII века, когда испанец Антонио де Ульоа привез из Перу образцы этого белого металла, который добывали как попутный на золотых приисках. Испанские химики установили, что платина легко сплавляется с серебром и золотом, при этом они считали, что привезенный из Перу белый металл – сплав золота и железа. Поэтому цена платины была меньше золота и серебра. Само слово «платина» в переводе с испанского означает «серебришко».

Первое практическое применение платине нашли фальшивомонетчики: они стали подмешивать дешевую платину к золоту и серебру. Узнав об этом, испанское казначейство добилося издания строгого королевского указа, предписывавшего уничтожить всю платину, добываемую попутно с золотом. В соответствии с этим указом чиновники монетных дворов в испанских колониях Южной Америки торжественно при многочисленных свидетелях периодически топили накопившуюся платину в реках Боготе и Кауке. Столь странный для современного читателя закон об уничтожении платины был отменен в 1778 г. королем Карлом III Габсбургом. После этого испанское казначейство стало само подмешивать дешевую платину к золоту монет.

В начале XIX века платину начали добывать и в Европе. На Урале в 1828 г. произвели полторы тонны этого металла, тогда как за 80 лет на всех месторождениях Южной Америки – всего тонну. Первоначально из русской платины делали чаши, химические тигли, проволоку. Массовое применение для платины придумал министр финансов Е. Ф. Канкрин. Он стал министром в тяжелое для страны время. Золотой запас империи истощился от длительных войн с Францией, Швецией, Турцией. Огромный ущерб финансовой системе России нанес и Наполеон, наводнивший нашу страну фальшивыми ассигнациями. В те времена не было технических средств для распознавания денег истинных и поддельных. Поэтому за один бумажный рубль давали только 25 копеек серебром. Министр Канкрин решил использовать опыт испанского казначейства, подмешивая платину к золоту, так, как еще раньше делали фальшивомонетчики. Но сделал он это на строго научной основе, получив от немецкого ученого А. Гумбольдта заключение, что платина в 5 раз дороже серебра и в 2,5 раза дешевле золота. После этого в России стали чеканить трехрублевые монеты из золота (весом в 4 грамма) и из платины (весом в 10 грамм). Затем стали выпускать платиновые монеты и 12-рублевого достоинства.

Первую монету из платины Канкрин отослал Гумбольдту, потом эта монета была куплена у наследников ученого при царе Александре II, а сейчас монета демонстрируется в Государственном Эрмитаже.

Введение в денежный оборот платиновых монет укрепило финансы страны, за что Николай I неоднократно благодарил Канкрин. А добыча платины на Урале возросла до трех тонн в год.

Но вот семидесятилетний Канкрин умер. Новый министр финансов Ф. П. Вронченко представил царю дело с платиновыми монетами в таком свете, что он, мол, крайне опасается подделки, ссылаясь на испанских фальшивомонетчиков. Николай I, который еще недавно был энтузиастом платиновых денег, подписал указ о принудительном изъятии платиновых монет из обращения. В течение полугода было собрано несколько миллионов монет. На складе Государственного казначейства мертвым грузом осело 35 тонн платины. Добыча платины на Урале

упала в сто (!) раз. Английская фирма «Джонсон, Маттей и К°» скупила за бесценок платиновые прииски на Урале.

Между тем министр финансов Вронченко, несмотря на благоприятную ситуацию (отсутствие войн), за 8 лет развалил всю финансовую систему империи, так что расходы стали превышать доходы. Николай I уволил Вронченко. Следующие два министра финансов также не смогли исправить положение. Совсем плохо стало с финансами после Крымской кампании, где Россия потерпела военное поражение. Очередной министр финансов, М. Х. Рейтерн, пребывал в беспокойстве: денег катастрофически не хватало. И тогда министр уговорил Александра II совершить в 1867 г. два действия, которые (как тогда казалось) облегчали финансовое бремя, но в отдаленной перспективе принесли России очевидные убытки. Действие первое: была продана Аляска. Действие второе: был разрешен беспощинный вывоз платины (в то время – малоценного металла), а все запасы русской платины проданы.

Платину скупала уже знакомая нам фирма «Джонсон, Маттей и К°». Монопольно владея почти всей платиной мира, фирма быстро взвинтила на нее цены. Частный добытчик на Урале получал за золотник (4,25 г) платины от фирмы 10 копеек, посредник в Москве – 40 копеек, а фирма продавала платину в Париже уже за 1 рубль 20 копеек. Через несколько лет платина стала стоить дороже золота. Платина была объявлена драгоценным металлом, из нее стали делать наиболее дорогие украшения. Фирма «провернула» аферу века!

Перед Первой мировой войной добыча платины в России составляла 95 % мировой добычи, почти все это количество уходило за рубеж. Лишь после Октябрьской революции добыча и переработка платины были национализированы. В Москве создали институт по изучению платины (ставший частью Института общей и неорганической химии). Из платины научились изготавливать ответственные детали приборов военной техники. Платину применяют в качестве катализатора в химических и нефтехимических производствах. Платина используется для дожигания выхлопных газов. Из платины делают электроды топливных элементов для космических аппаратов. На долю ювелиров остается всего 10 % платины.

В последние годы, когда в нашей стране едва ли не повсеместно прошла приватизация, в частные руки перешло и производство платины. Надо надеяться, что наше правительство, зная о вышерассказанной истории, не допустит ущемления интересов государства.

Деньги, деньги...

В опубликованных десять лет тому назад воспоминаниях Д. А. Засо-сова и В. И. Пызина приводятся некоторые данные о доходах и расходах жителей Петербурга в начале XX века. Младший дворник, служивший в одном из частных домов на набережной р. Фонтанки, имел оклад 18 рублей месяц. Этого было мало, и младшие дворники подрабатывали тем, что оказывали жильцам дома разные услуги: выколачивали ковры, носили корзины с бельем на чердак (где белье сушилось) и пр. Старший дворник получал от хозяина 40 рублей в месяц, это считалось достаточным, и старший дворник не унижался до услуг, хотя от чаевых не отказывался. Водопроводчик, обслуживавший дом, имел оклад 35 рублей плюс обычные в его положении чаевые.

Во дворе дома была баня, принадлежавшая тому же хозяину. Кассир, взимавший плату за посещение бани, получал целых 70 рублей. Повышенный оклад кассиру был установлен для того, чтобы он не воровал. Но это не помогло: кассир беззастенчиво присваивал половину вырученных сумм, за что был хозяином уволен. Однако к тому времени плут успел скопить изрядную сумму и открыл в соседнем доме собственную баню.

Таковы были доходы рядовых горожан. А вот каковы были расходы. Обед из двух блюд в дешевой столовке обходился в 12 копеек. «Мерзавчик» (100 г) водки стоил 10 копеек, причем возвратная тара составляла 4 копейки. Следовательно, за поллитра водки надо было платить 30 копеек. Зато бутылка шампанского стоила 5 рублей.

Дом на Фонтанке, о котором идет речь, хозяин сдавал внаем жильцам. На четвертом этаже находились меблированные комнаты с «удобствами» в конце коридора. Жильцы платили за такую комнату 20–30 рублей в месяц, иногда сдавая «угол» (то есть кровать) за 5 рублей какому-нибудь малоимущему студенту. На третьем этаже были отдельные квартиры, жильцы которых платили по 40–60 рублей (иногда сдавая одну из комнат студентам побогаче за 15–20 рублей). На втором этаже располагались многокомнатные большие квартиры, за которые хозяин брал по сто рублей и выше. В первом (полуподвальном) этаже проживали дворники, водопроводчик, швейцар и другой обслуживающий персонал.

Учение в то время было платным: в казенной гимназии – 100 рублей в год, в частной – 200 рублей, с пансионом – 350 рублей. Учение во многих институтах и в университете обходилось еще дороже, но не везде. В Институте инженеров путей сообщения плата за обучение составляла всего 10 рублей в год, а в Электротехническом институте учили и вовсе бесплатно.

Посещение бани (о которой мы уже говорили) стоило (в зависимости от класса) 10–40 копеек. За отдельный номер нужно было заплатить целый рубль.

Кроме гражданских лиц, в Петербурге проживало много военнослужащих. В Петербургский гарнизон входило 27 гвардейских и несколько армейских полков. Гвардейские и армейские части были размещены и в пригородах столицы. Кроме того, имелись многочисленные военно-учебные заведения: кадетские корпуса, юнкерские училища, офицерские классы (курсы), военные академии. Денежное содержание офицеров и генералов состояло из основного оклада, столовых и добавочных сумм. Суммарное жалование в 1909 г. составляло: у подпоручика – 70 рублей в месяц, у ротного командира (капитана) – 145 рублей, у командира батальона (подполковника) – 200 рублей, у командира полка (полковника) – 267 рублей, у начальника дивизии (генерал-лейтенанта) – 500 рублей. При службе за границей, а также на Кавказе, в Средней Азии и в Сибири основной оклад увеличивался в полтора раза.

Жалование у российских офицеров было на 30–50 % меньше, чем у западноевропейских, а у генералов оно было почти таким же. Главнокомандующий русскими войсками великий князь Николай Николаевич (младший) имел ежемесячное жалование 8000 рублей, что было выше, чем у его западных коллег.

Кроме перечисленных сумм офицерам полагались еще лагерные (за время пребывания в летних лагерях), квартирные (за наем квартир), дровяные, осветительные, а также фуражные (для тех, кто по штату должен был иметь коня).

Имелись и разнообразные дополнительные льготы. Так, офицерам оплачивался проезд по железной дороге в вагонах второго класса. Офицеры могли посещать театральные спектакли за половину стоимости билета. Дети офицеров принимались в военно-учебные заведения на казенный кошт. Офицер, попавший под суд, удалялся от службы, получая половину жалования; в случае оправдания офицер получал и вторую половину за все прошедшее время.

Таким образом, офицеры были материально обеспечены гораздо лучше, чем гражданские лица. Это положение сохранялось и в советское время. Так, в 1946 г. среднее денежное содержание командира взвода (лейтенанта) превышало в 2,5 раза среднюю зарплату по стране, а в 1990 г. сравнивалось с ней.

В заключение расскажем историю, похожую на легенду. Военный летчик Султан Амет-хан сбил 30 немецких самолетов лично и еще 19 – в группе. За свои боевые подвиги стал дважды Героем Советского Союза. После войны был направлен летчиком-испытателем в сверхсекретное КБ-1, где главным инженером был С. Л. Берия (сын соратника вождя). КБ-1 разрабатывали самолеты-снаряды, а летчики-испытатели работали на самолетах-аналогах. Работа их была крайне рискованной, и за каждый полет им платили совершенно фантастические по тем временам деньги.

Очень скоро у летчиков-испытателей притупилось осознание опасности, и начальство решило, что это потому, что они больше думают о деньгах, чем о поставленных технических задачах. Начальство захотело уменьшить их оплату в десять раз – все равно получаемые суммы оставались весьма внушительными. Но размер оплаты в свое время был утвержден самим вождем, и только он мог эту сумму изменить. Начальство стало готовить к высокой подписи необходимые документы по всей требуемой в то время форме. А требовалось получить визы от всех заинтересованных сторон, в том числе и от летчиков-испытателей.

Летчики-испытатели С. Н. Анохин, Ф. И. Бурцев В. Г. Павлов расписались без затей. Амет-хан написал: «Моя вдова не согласна».

Вождь, просмотрев документы, наложил резолюцию: «Согласен с вдовой Амет-хана. И. Сталин».

Размер оплаты, разумеется, остался прежним.

В 1971 г. подполковник Амет-хан погиб при испытаниях. Его супруга стала, к сожалению, настоящей вдовой и начала получать пенсию по случаю потери кормильца, размер которой зависел от его заработка.

Однажды В СССР...

Судьбы генералов

Во время революции и Гражданской войны в России все общество раскололось на два лагеря – «белых» и «красных». Армиями «белых» командовали бывшие царские генералы М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, Е. К. Миллер, Н. Н. Юденич и адмирал А. В. Колчак. «Красные» поначалу всех бывших генералов считали своими врагами, то есть «белыми». Поэтому на должность главковерха (верховного главнокомандующего), вместо убитого сгоряча солдатами генерала Н. Н. Духонина, они сначала назначили прапорщика Н. В. Крыленко. Потом поняли, что главковерхом должен быть офицер с более высоким чином и более широким военным кругозором. На должность главковерха назначили полковника И. И. Вацетиса, а через год – другого полковника, С. С. Каменева.

Между тем на сторону «красных» перешли добровольно многоопытные генералы: бывшие военные министры А. А. Поливанов и Д. С. Шуваев, бывший заместитель военного министра А. А. Маниковский, бывший морской министр И. К. Григорович, бывший главковерх А. А. Брусилов, бывший начальник штаба главковерха М. Д. Бонч-Бруевич. Последнего «белые» объявили предателем и даже пытались его захватить, сделав налет на поезд, в котором он, по их расчетам, должен был находиться (а Бонч-Бруевич поехал другим маршрутом). От обиды и злости «белые» расстреляли с десятков ни в чем не повинных пассажиров поезда, где не обнаружилось Бонч-Бруевича.

С вышеперечисленными и другими многозвездными генералами «красные» почтительно советовались на заседаниях Реввоенсовета, но командование войсками доверяли другим, имевшим меньше звезд на погонах. Обороной Царицына руководил бывший генерал-майор Е. А. Снесарев. Обороной Петрограда руководил бывший генерал-лейтенант Д. Н. Надежный. Прорыв «белых» войск генерала К. К. Мамантова ликвидировал бывший генерал-лейтенант В. И. Селивачев. «Красным» так понравились «белые» генералы, что они даже обижались, если те отказывались с ними сотрудничать. Так, в 1919 г. генерал А. Ф. Рагоза (служивший ранее военным министром у гетмана П. П. Скоропадского) был расстрелян в Одессе за отказ служить в Красной армии.

Поучителен пример с генерал-лейтенантом Я. Л. Слащевым, который командовал в 1920 г. обороной «белых» войск в Крыму. Слащев допускал неоправданную жестокость как по отношению к военнослужащим, так и по отношению к мирным жителям. После разгрома «белой» армии и ее эвакуации в Турцию Слащев был разжалован в рядовые. Через год в Советской республике объявили амнистию всем участникам Гражданской войны. Бывший генерал вернулся в Москву. Его приняли в качестве преподавателя на курсы для командного состава «Выстрел». Слащев в течение восьми лет исправно работал на педагогическом поприще. Но вот среди курсантов появился человек, родители которого были расстреляны в Крыму по приказу Слащева. Этот курсант застрелил бывшего генерала.

Слащев был, пожалуй, единственным из «белых» генералов, кто воспользовался амнистией, да и то потому, что был разжалован. Некоторые генералы умерли во время эпидемии, например Н. И. Иванов, Мамантов. Остальные «белые» генералы отбыли в эмиграцию: Юденич – в Англию, Врангель – в Бельгию, Скоропадский – в Германию, В. Л. Покровский – в Болгарию, но большинство выбрали Францию. Встал вопрос – чем заниматься? Деникин и Врангель написали многотомные мемуары, П. Н. Краснов занялся беллетристикой, а Л. Г. Шкуро вместе с группой своих однополчан-кавалеристов устроился в цирке, где демонстрировал публично чудеса вольтижировки.

Военные-эмигранты старались создать какую-то военную организацию, так в Париже появился «Русский общевойсковой союз». Первоначально им руководил А. П. Кутепов, в организацию входили также Ф. Ф. Абрамов, А. М. Драгомиров, А. С. Лукомский, А. В. Туркул, П. Н. Шатилов и другие генералы. Конечно, «Союз» вел целенаправленную деятельность против СССР, это вызвало ответную реакцию: в 1930 г. Кутепов был похищен и вывезен из Франции. Генерал в дороге все время сопротивлялся, его успокаивали с помощью хлороформной повязки, да перестарались, и Кутепов умер в пути.

Через несколько лет агенты НКВД выкрали нового председателя «Союза» Миллера. Он был доставлен в Москву целым и невредимым, там генерала, естественно, расстреляли.

Миллера помог выкрасть его же помощник, Н. В. Скоблин, который сразу после этой акции сбежал в Испанию (где шла Гражданская война). Скоблин там вскоре погиб, якобы во время бомбардировки Мадрида.

Интриги и страсти кипели вокруг «Союза». Туркул, например, решил убить Л. Д. Троцкого. Изгнанный из СССР, тот некоторое время жил во Франции. Он не имел французской визы, ибо не был отменен приказ о его высылке из Франции – по требованию еще царского правительства. НКВД хотело само расправиться с Троцким, не отдавая его конкурентам, и Скоблин получил приказ помешать Туркулу (что и было сделано). Остается добавить, что в годы Гражданской войны Скоблин, командуя Корниловской дивизией, был прямым начальником Туркула, командовавшего Дроздовским полком.

Во время Второй мировой войны Краснов и Шкуро оделись в немецкие мундиры и стали воевать вместе с немцами. Они предлагали идти вместе с ними и Деникину, да тот наотрез отказался. Сдавшиеся англичанам, Краснов и Шкуро были ими переданы советским властям, которые обоих генералов повесили. То было последнее эхо Гражданской войны.

Дезинформация

Десятого декабря 1940 г. А. Гитлер утвердил директиву о войне против СССР, известную как «план Барбаросса». Успех выполнения этого плана зависел от того, удастся ли немцам осуществить вторжение на территорию СССР неожиданно для Красной армии. Когда за месяц до назначенного срока вторжения огромные массы немецких войск и боевой техники начали концентрироваться вдоль границы с СССР, в Москву стали стекаться об этом дурные данные. Англичане от своих секретных агентов получали такие же сведения, и премьер-министр У. Черчилль еще в апреле отправил личное послание И. В. Сталину. Из далекой Японии наш разведчик Р. Зорге 15 мая сообщил дату нападения Германии: 22 июня.

Этому потоку информации немцы противопоставили дезинформацию. Официальная версия германского правительства состояла в том, что войска-де перебрасываются из Франции на восток, где нет опасности воздушных налетов. Этой версии в Москве, конечно, не поверили.

Начиная с 22 мая в газетах нейтральных стран стали появляться сообщения о том, что немцы якобы собираются потребовать пропустить свои войска через Украину и Кавказ в Иран – для нападения на Индию, или в тот же Иран – для вторжения в Ирак. Индия в то время принадлежала Англии (с которой Германия официально находилась в состоянии войны), Ирак тоже принадлежал Англии, но там произошел государственный переворот, и новая власть заняла протемецкую позицию. Вся эта информация анализировалась и учитывалась в Москве, хотя вначале ей тоже не придавали особого значения.

10 июня министр иностранных дел Германии И. Риббентроп дал указание своим послам в Риме, Токио и Будапеште довести до сведения тамошних правительств, что в течение ближайших двух недель Германия внесет полную ясность в германо-советские отношения. Агентурные сведения немедленно поступили в советские посольства, оттуда – в Москву. Это также была дезинформация, но в Москве об этом не знали. В Москве доверяли осведомителям, работавшим при советских посольствах, но немцам удалось кое-кого из них перевербовать. Так, тайный осведомитель по кличке «Петер», работавший в Берлине (его подлинное имя Орест Берлингс) с мая 1941 г. поставлял дезинформацию. Всё было направлено на то, чтобы в Москве поверили, будто концентрация войск близ границы – это лишь средство политического давления. Вот-вот должны начаться переговоры, где немцы предъявят какие-то жесткие требования, а русским придется с ними согласиться.

В газетах нейтральных стран появились сообщения, что немцы, вероятно, потребуют аренды Украины на 99 лет. «Ну, уж нет, – наверное, подумал Сталин, читая такое сообщение. – 99 лет – никогда! А об аренде на 5–10 лет еще можно вести переговоры. Пока ведутся переговоры, войны не будет».

В берлинских газетах не было даже намека на эти слухи. Но вот промелькнуло маленькое сообщение и из Германии. Одна берлинская фабрика выполняет срочный правительственный заказ на изготовление большой партии советских красных флажков, так как в Берлине готовятся к приезду Сталина и Молотова. Этой маленькой заметке (также являвшейся дезинформацией) Сталин поверил. Очевидно, люди, затеявшие игру в дезинформацию, были неплохими психологами.

Гитлер в те дни ни разу публично не высказывался, и Сталин решил, что в руководстве Германии есть какие-то разногласия: кто-то вместо переговоров хочет начать войну. Поэтому Сталин распорядился: Красной армии не поддаваться ни на какие провокации. А в пограничной полосе в те дни регулярно задерживали десятки диверсантов.

В ночь с 12 на 13 июня, как и всегда, в одной из берлинских типографий печатали газету «Фелькишер Беобахтер». В ней была помещена статья министра информации Й. Геббельса, где содержался намек на германское вторжение в Англию. Кое-где этот номер газеты успел

поступить в продажу, но основной тираж был конфискован полицией. После этого – вплоть до начала войны – Геббельс отсутствовал в Берлине. Появились слухи, что он-де впал в немилость, его вот-вот арестуют и т. п. В Лондоне эту историю восприняли как указание на тайный сговор между Германией и СССР, направленный против Англии. В Москве решили, что эта история указывает на наличие в германском руководстве двух борющихся между собой группировок – сторонников вторжения в Англию и сторонников войны против СССР. В действительности то была дезинформация, и Геббельс остался ею доволен.

Зато Сталин был взбужден: надлежало что-то предпринять. Вечером того же дня 13 июня по радио было оглашено заявление ТАСС, которое подтверждало, что СССР и впредь будет строго соблюдать условия советско-германского пакта о нападении. Никакой реакции из Берлина не последовало. Тайный осведомитель «Петер» сообщал, что немцы вообще не понимают, зачем Москва выступила с таким заявлением.

В эти дни в Германии находилась делегация наших военных летчиков во главе с заместителем наркома А. С. Яковлевым. Делегация посетила несколько авиационных заводов, наши летчики садились за штурвалы немецких самолетов, опробовали их в воздухе. Потом Яковлев подписал в Берлине контракт на покупку боевых самолетов «Мессершмитт», «Юнкерс», «Хейнкель». От самолетов «Фокке-Вульф» Яковлев отказался. 19 июня делегация возвратилась поездом из Берлина в Москву. Делегатов тотчас доставили в Кремль, где Сталин внимательно их выслушал. Он решил, что если немцы делятся с нами военными секретами и продают нам свои боевые машины, то воевать с нами, очевидно, не собираются.

Немцы же наперед знали дату начала войны и безбоязненно подписывали контракт на продажу самолетов, будучи уверенными, что русские просто не успеют вывезти закупленное. А то, что несколько русских садились за штурвалы боевых машин, так это неизбежные издержки в большой игре по дезинформации противника.

20 июня Москва обратилась в Берлин с просьбой принять В. М. Молотова, наркома иностранных дел. Послу В. Г. Деканозову ответили, что в Берлине нет ни Гитлера, ни Риббентропа, придется подождать. По информации «Петера», немцы удивлялись волнению русских.

21 июня в 21 час 30 минут Молотов пригласил в Кремль германского посла Ф. Шуленбурга и спросил, почему Германия не отвечает ни на заявление ТАСС, ни на предложение о визите его, Молотова, в Берлин. Шуленбург ответил, что не располагает необходимой информацией, с тем и уехал из Кремля. Вернувшись в посольство, он получил только что поступившую из Берлина шифрограмму: ему предписывалось 22 июня в 3 часа ночи вручить Молотову декларацию германского правительства о начале войны (в декларации был применен термин «военные контрмеры», так как ответственность за начало войны немцы возлагали на СССР). Теперь уже Шуленбург сам явился к Молотову.

Одновременно в Берлине (там был только 1 час ночи) Риббентроп вручил точно такую же декларацию Деканозову.

И в это же самое время через всю 4500-километровую границу началось вторжение войск Германии, Румынии, Финляндии. Для Красной армии вторжение врага оказалось неожиданным.

Историки спорят до сих пор, недоумевая, как могли в таком огромном государстве, как СССР, поддаться на обман. Пусть один человек, Сталин, поверил созданной фашистами дезинформации. А как же все остальные, причастные в той или иной степени к руководству?

Для понимания ситуации, сложившейся в стране в предвоенный период, приведем пример из книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Однажды инженер-путеец Н. К. Мекк подал рационализаторское предложение: водить тяжеловесные поезда. Ответственные работники Наркомата путей сообщения ему разъяснили, что делать этого никак нельзя, ибо тогда железнодорожные пути станут быстрее изнашиваться. Предложение посчитали вредительским, инженера Мекка расстреляли как вредителя. Через

некоторое время наркомом стал Л. М. Каганович. Он приказал водить тяжеловесные поезда, а тех, кто этому противился, объявил саботажниками. И теперь уже расстреливали их.

Пришли новые люди. Они поняли, что надо жить не высовываясь.

В войне, начатой фашистами, СССР потерял 27 миллионов человек.

На войне как на войне

Если война кому-нибудь и нравится, то в первую очередь – генералам. Это их стихия, их профессия. Генерал во время войны живет полноценной жизнью, ему не хватает 24 часов в сутки. Он должен уследить за всем: как одеты, обуты и накормлены его солдаты, как они вооружены, каково настроение в войсках. Где приданные танки, самолеты, артиллерия? Что доносит разведка?

Хороший генерал рассматривает топографическую карту, на которой отмечены позиции свои и врагов, с двух сторон. Он смотрит на свои позиции, достаточно ли они надежны. А потом пытается представить себе, что думает генерал противника, рассматривая те же позиции, пытается предугадать его мысли и направление возможного удара.

В этих бесконечных военных хлопотах отодвигаются на второй план все остальные, даже очень важные в невоенной обстановке дела. В годы Первой мировой войны командующий Западным фронтом генерал Н. И. Иванов забыл поздравить Николая II с днем тезоименитства. Узнав о торжестве лишь на третий день из газет, спешно послал царю телеграмму: «Третий день пьем здоровье Вашего Величества». На что последовал Высочайший ответ: «Пора бы и прекратить».

Иногда, конечно, генерал на войне вспоминает про жену, детей, близких. Если удастся – напишет письмо.

Недавно опубликованы письма генерал-лейтенанта А. А. Власова, написанные им в первые месяцы 1942 г. В перерывах между боями генерал писал письма своим женам. Одна, Аня, жила в далекой Чкаловской (ныне Оренбургской) области; она была законной женой. Другая, Аля, военврач 3-го ранга, была фронтовой женой. Познакомились они во время боев под Киевом, потом вместе выходили из окружения. Когда генерал Власов командовал одной из армий, оборонявших Москву, она служила поблизости, в армейском госпитале. В январе 1942 генерал отправил Алю в г. Энгельс Саратовской области, где ей предстояло родить ребенка. В проездных документах она значилась женой генерала Власова. Они не были зарегистрированы, но генерал обещал все устроить, как только представится возможность. Полагаясь на твердое слово генерала, Аля, заполняя полагающуюся в ту пору анкету, указала в ней, что является женой А. А. Власова. Потом эта запись стоила ей нескольких лет ГУЛАГа (как и Ане), но пока что этого никто не предполагал.

В журнале «Источник» было опубликовано два десятка писем. Мы приведем отрывки из двух пар писем, потому что письма обеим женам писались как бы под копирку.

«Дорогая и милая Аня! Только сейчас получил от тебя письмо, которое ты писала 2.2.42. Спасибо за заботу обо мне. Дорогая Аня! Я послал тебе три посылочки, как получишь фронтовые посылки, пиши немедленно ответ. Дорогая Аня! Бьем фашистов по-прежнему и гоним их на запад. Не волнуйся, не нервничай. Я исключительно в хороших условиях. Вчера даже ходил в баню, которую мы сами сделали, – и, представь себе, хорошая баня. Вообще, живем по-культурному. Разобьем фашистов – заживем вновь еще и еще лучше. А пока до скорого свидания. Целую крепко и много раз свою милую Аню! Твой всегда и всюду Андрюша.
14.2.42»

«Добрый день, дорогая и милая Аля! Получил письмо от тебя и видел твоего сопровождающего. Дорогая Аля, искренне благодарю за теплое письмо. Спасибо за записку к маме. Ваши письма меня согревают и воодушевляют на новые дела. Я здоров и бодр. Бьем фашистов по-прежнему и гоним их на

запад. Одновременно с этой открыткой пишу тебе письмо. А пока до скорого свидания. Целую крепко и много раз милую и дорогую Алю. Твой Андрюша.
14.2.42»

«Добрый день, дорогая и милая Аня! Спешу сообщить тебе, что я здоров и бодр, чего и тебе от души желаю. Получил от тебя два письма, за которые благодарю; ответ послал письмом. Как получишь – немедленно отвечай. Дела у нас идут хорошо. Фашистов бьем по-прежнему. А пока – до твоего письма. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.
26.4.42»

«Здравствуй, дорогой и милый Алик! Спешу сообщить тебе, что я бодр и здоров. Бьем фашистов по-прежнему. Поздравляю с наступающим праздником 1-го Мая. Желаю провести его счастливо и радостно. Одновременно с этим шлю тебе письмо, ответ жду немедленно. Привет папе, маме, Юрику и маленькому Андрюше. Дорогой и милый Алик! Скорее сообщи свое здоровье и всех остальных, жду с нетерпением. Целую крепко и много раз. Твой Андрюша.
26.4.42»

Что тут можно добавить? Любвеобильный генерал, три года в немецком плену получавший неплохое жалование в рейхсмарках, женился на немецкой аристократке Адели Баленберг. Таким образом, в это время Власов имел одновременно трех жен.

Трех жен имеют либо мужчины, живущие по законам шариата, либо брачные аферисты. Троеженец во главе антисталинского идейного блока – это как-то не вяжется с тем обликом, которым наделяют генерала Власова некоторые наши писатели и журналисты.

Напечатано в газете

Илья Эренбург был и писателем, и журналистом. Как писатель он создал несколько десятков романов и повестей, которые были напечатаны в СССР и за рубежом. Как журналист он написал тысячи статей, очерков, заметок, которые были опубликованы в отечественных и зарубежных газетах и журналах. Мы специально подчеркиваем, что речь идет о зарубежных публикациях, ибо с далеких дореволюционных времен Эренбург жил во Франции, оставаясь гражданином России, затем СССР.

Журналистской деятельностью Эренбург особенно активно занимался в годы войн. Первой для него стала Гражданская война 1936–1939 гг. в Испании. Это сейчас некоторые журналисты пытаются освещать военные действия с позиций обеих воюющих сторон, представляя себя как бы «над схваткой». В те времена считалось, что такое невозможно в принципе. Эренбург был корреспондентом газеты «Известия» при правительстве республиканской Испании. В таком же качестве выступали и другие писатели: американец Эрнест Хемингуэй, чилиец Пабло Неруда. А венгерский писатель Мате Залка прибыл в Испанию, чтобы сражаться с оружием в руках, он погиб в бою.

В своих едва ли не ежедневных репортажах из Испании Эренбург рассказывал о жизни свободолюбивого народа, который не желал покоряться силам международного фашизма. На защиту испанских республиканцев приехали добровольцы из десятков стран. Эренбург встречался с ними, беседовал по душам (сейчас это называется «брать эксклюзивное интервью»). Например, он общался с командующим артиллерией Арагонского фронта полковником В. К. Глиноедским. Полковником тот стал в годы Первой мировой войны. В годы Гражданской войны в России служил у «белых», в районе Уфы воевал против самого В. И. Чапаева. Затем эмигрировал во Францию. Теперь приехал в Испанию, чтобы воевать с фашистами. Глиноедский тоже погиб в бою.

Эренбург встречался в Испании и с прибывшими в качестве военных советников и специалистов командирами Красной армии: В. А. Антоновым-Овсеенко, П. И. Батовым, В. Е. Горевым, Д. Г. Павловым, Я. В. Смушкевичем, Г. М. Штерном. В своих репортажах в «Известиях» он называл их под теми именами, под которыми они были известны в Испании. Так, Смушкевич назывался Дугласом, Штерн – Григоровичем и т. д. (Четверо из перечисленных специалистов были впоследствии в СССР расстреляны.)

Видя разрушенные фашистами дома и селения, убитых мирных жителей, сожженные книги, Эренбург сделался одним из страстных обличителей фашистского мракобесия. Когда началась Великая Отечественная война, Эренбург стал корреспондентом газеты «Красная Звезда». В первые месяцы войны газетчики старались не драматизировать ситуацию. Так, 16 сентября корреспондент той же газеты Б. М. Лапин (зять Эренбурга) сообщал из Киева, что в городе, как обычно, по утрам моют и скребут Крещатик, что у касс цирка выстраиваются очереди. Но уже через четыре дня по Крещатику шагали немецкие батальоны. А сам Лапин погиб под Борисполем, когда пытался выйти из окружения.

Эренбургу довелось писать агитационные листовки, обращенные к немецким солдатам, тексты для антигитлеровских выступлений по радио. Тогда многие еще верили, что рабочий класс Германии должен быть против войны с СССР – страной победившего социализма. В своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» Эренбург описывает сцену, когда красноармейцы отказались стрелять в немецких солдат. Один из красноармейцев сказал: «В кого стреляем? В рабочих и крестьян. Они считают, что мы против них, мы им не даем выхода. Надо не стрелять в немцев, а подпустить их поближе и попытаться уговорить их воевать против Гитлера».

Такая наивность потрясла писателя-журналиста. В своих статьях Эренбург писал, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность, на то, что у солдат Гитлера заговорит

совесть. Ослепленных идеологией расового превосходства фашистов можно остановить только силой. Нужно бить немцев.

Приводимые Эренбургом примеры фашистских зверств касались первоначально только европейских стран и воспринимались нашими бойцами все же несколько абстрактно. Но после того как Красная армия начала отвоевывать оккупированные фашистами советские земли, злодеяния фашистов стали достоянием гласности. И в статьях Эренбурга появлялись другие, более близкие примеры. На фактах из жизни российских, белорусских, украинских деревень и городов Эренбург доказывал, что фашисты – изверги и призывал: «Убей немца!»

В воспоминаниях многих советских военачальников отмечается, что газеты со статьями Эренбурга с большим интересом читали в войсках. Они мобилизовывали наших бойцов, звали их на непримиримую борьбу с немецкими захватчиками. В годы войны над названиями всех газет был напечатан лозунг: «Смерть немецким оккупантам!» Материалы Эренбурга сообщали этому лозунгу живую плоть. Бойцы проникались уверенностью, что немцев надо убивать.

В начале 1944 г. Красная армия подошла к границам Германии. Убивать всех немцев подряд, очевидно, было нельзя. Как оперативно сообщить об этом огромной армии пропагандистов и политинформаторов? Снять лозунг «Смерть немецким оккупантам!» в Москве посчитали преждевременным. Там решили, что достаточно в «Правде» напечатать статью, направленную против чересчур рьяного антифашиста. Так появилась статья Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург ошибается». Автор не столько критиковал Эренбурга, сколько развивал мысль Сталина о том, что гитлеры приходят и уходят, а германский народ и германское государство остаются. Вероятно, на пропагандистов и политинформаторов, чутко улавливающих направление ветров, господствующих в высоких инстанциях, эта статья оказала требуемое влияние. Но каково было Эренбургу?

Тот прекрасно знал, что в газете «Правда» ничего просто так не печатают. Достаточно, например, было в довоенные годы появиться сообщению, что маршал С. М. Буденный считает неудачными рассказы И. Э. Бабеля «Конармия», как писателя арестовали – и более его уже никто и никогда не видел. Взволнованный Эренбург помчался к главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову и, вынув пистолет, заявил, что он застрелится прямо в кабинете редактора, если тот немедленно не опубликует ответ на статью Александрова. Поспелову с трудом удалось уверить Эренбурга, что товарищ Сталин не считает его врагом народа.

Илья Григорьевич Эренбург действительно не только не был арестован, но и получил две Сталинские и одну Ленинскую премии. Он жил в СССР в почете и уважении, а умер в возрасте 77 лет.

Медицина и политика

Патологоанатомическое заключение, сделанное на основании вскрытия тела И. В. Сталина, показало, что он умер вследствие многочисленных кровоизлияний. Сталин страдал церебральным атеросклерозом, что приводило к часто повторяющимся нарушениям мозгового и коронарного кровообращения.

Медики утверждают, что больные с церебральным атеросклерозом становятся апатичными, их угнетают страхи и сомнения, необычайно возрастает подозрительность и боязнь перемен, в их повседневной жизни увеличивается число нервных срывов.

В 1933 г. Сталин спокойно перенес два события, которые (произошли они много лет спустя) могли бы быть истолкованы как покушения на жизнь вождя. 25 августа на легковой автомобиль, в котором ехали из Сочи Сталин и Ворошилов, случайно наехал грузовик (водитель которого, Арешидзе, тут же сбежал). А через месяц, в сентябре, во время морской прогулки вблизи мыса Пицунда, катер, на котором был Сталин, из-за непогоды задержался на 2 часа. Охрана не была своевременно предупреждена и, увидев катер в неположенное время, открыла стрельбу. В обоих случаях никто из охраны Сталина не был наказан.

А ведь в Европе в то время происходили политические убийства. В Румынии был застрелен премьер-министр Й. Дука, в Австрии – канцлер Э. Дольфус, в Югославии – король Александр и прибывший на переговоры французский министр иностранных дел Л. Барту, а в самой Франции за два года до этого был убит президент П. Думер.

Поведение Сталина в конце 1930-х гг., когда по его приказу провели ряд судебных процессов над руководителями страны и физически уничтожили тысячи старых членов партии, можно объяснить какой-то извращенной логикой борьбы с оппозицией внутри партии. Чтобы сделать правдоподобными чудовищные обвинения, выдвинутые против вчерашних соратников, Сталину пришлось репрессировать миллионы ни в чем не повинных людей. Репрессии, осуществленные Сталиным в конце 1940-х гг., объяснить невозможно. То были хаотические, вне всякой системы, действия, которые предпринимал больной человек, безнаказанно вершивший судьбами людей.

То он снял с должности недавно им же назначенного начальника МГБ В. Н. Меркулова, заменив его В. С. Абакумовым, но вскоре посадил Абакумова в тюрьму. То арестовал командующего ВВС главного маршала авиации А. А. Новикова¹, снял с должности и понизил в звании командующего ВМС адмирала Н. Г. Кузнецова, а его заместителя, адмирала Л. М. Галлера, расстрелял. Отправил из Москвы в Одессу главного героя Великой Отечественной войны маршала Г. К. Жукова, а его помощника, генерала В. Н. Гордова (бывшего командующего Сталинградским фронтом) расстрелял. Заодно расстрелял и бывшего маршала Г. И. Кулика, а также маршала авиации С. А. Худякова.

Члена политбюро Г. М. Маленкова отправил из Москвы в Ташкент, арестовал секретаря ЦК Г. М. Попова, расстрелял члена ЦК С. А. Лозовского.

Наиболее известно «Ленинградское дело». Началось оно с того, что А. А. Жданов, второе лицо в партийной иерархии, бывший еще с предвоенных лет партийным руководителем в Ленинграде, в первые послевоенные годы переехал в Москву, а вместе с ним – ряд близких ему сотрудников, которым он полностью доверял. Эти «люди Жданова» заняли в Москве важные государственные и партийные посты, оттеснив «людей» других персон. Пока был жив Жданов, обиженным приходилось терпеть и молчать.

После войны перевели на русский язык сборник речей министра пропаганды фашистской Германии Й. Геббельса. В книжке оказалось много цитат и рассказов советского писа-

¹ Новикова и еще двух маршалов авиации арестовали по письму сына вождя, В. И. Сталина, ставшего затем генералом.

теля-сатирика М. М. Зощенко. В нашей стране большим поклонником таланта Зощенко слыл Жданов, который создал ему в Ленинграде все условия для творчества. Сборник речей Геббельса дали прочесть Сталину, при этом кто-то подчеркнул красным карандашом все цитаты из Зощенко. Сталин, ознакомившись с книжкой, рекомендовал Жданову усилить идеологическую работу среди писателей, чтобы их произведения не цитировали впредь наши враги.

Так появилось печально знаменитое постановление ЦК о литературных журналах «Звезда» и «Ленинград». Жданову пришлось лично зачитывать доклад перед писательской аудиторией. Он очень резко критиковал Зощенко, которого (хотя тот и не знал) цитировал Геббельс. Досталось и А. А. Ахматовой, стихи которой Геббельс не цитировал, но мог бы. Попало Флиту и Хазину за пародию на пушкинского Евгения Онегина (будто бы тот приехал в послевоенный Ленинград, а его в общественном транспорте затолкали, обругали и обворовали).

За неделю до доклада Жданова состоялось заседание ЦК, где выступал Сталин. Он сказал: «Мы требуем, чтобы наши писатели воспитывали молодежь идейную, а Зощенко – проводник безыдейности. Разве этот дурак, балаганный рассказчик, писака Зощенко, может воспитывать?» Слова, которые использовал в своем докладе Жданов, были еще крепче, однако слово «дурак» он все-таки опустил.

Всех, кого публично критиковал Жданов, перестали печатать. Тем самым «провинившихся» писателей принуждали заняться какой-либо иной деятельностью. Тут уместно вспомнить, что за сто лет до этого за пародию на «Евгения Онегина» Николай I отправил в солдаты студента Московского университета А. И. Полежаева. Так что нынешним писателям относительно повезло. Однако уже через год подобная кампания развернулась против композиторов, потом – против ученых.

Вскоре Жданов умер от сердечного приступа. Почти сразу же было сфальсифицировано «дело» против его бывших сотрудников, работавших в Москве, – их расстреляли (Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и др.). В Ленинграде репрессировали 2000 человек, занимавших сколько-нибудь заметные должности (директоров заводов, фабрик, школ, больниц, стадионов, домов культуры и т. д.). Все они попали в ГУЛАГ. Затем пошла вторая волна: члены семей репрессированных. Потом пошла третья волна: те, кто давал им партийные рекомендации. Следом – четвертая волна: члены семей последних. Всего пострадало несколько десятков тысяч человек.

Началась борьба с «безродными космополитами». Неблагонадежными вдруг стали те, кто имел какие-либо контакты с иностранцами. Научные направления, сторонники которых не могли прикрыться трудами именитых соотечественников, объявлялись лженаукой. Такое клеймо получили генетика и кибернетика. На руководящие посты в науке (и не только в ней) ставили демагогов и приспособленцев. Хотя кое-что вредное действительно искоренили, но ущерба нанесли гораздо больше.

А Сталин продолжал судорожные чистки. Арестовал врачей Кремлевской больницы профессоров В. Н. Виноградова, М. Г. Вовси, Б. М. Когана и др. Арестовал своего личного секретаря и члена ЦК А. Н. Поскребышева, начальника своей личной охраны генерала Н. С. Власика. В сложившейся обстановке вполне можно было бы осуществить подмену лекарств, о чем пишут журналисты, изучавшие события тех дней.

Сталин по рекомендации того же Виноградова ежедневно принимал одну таблетку дикумарина – для уменьшения свертываемости крови, то есть для предотвращения образования тромбов. Ежемесячно ему должны были делать анализ крови на содержание протромбина. Между тем в патологоанатомическом заключении отмечаются многочисленные кровоизлияния по всему телу. Значит, либо ему уже несколько месяцев не делали анализа крови, либо подменили лекарство (например, доза активного дикумарина в таблетках была ниже назначенной).

Сердечный приступ у Сталина произошел, вероятно, утром 1 марта 1953 г., когда он был на загородной даче. Он упал на ковер, не успев дать знать охране. Охрана до самого вечера не решалась войти в комнату. Только тогда сообщили о случившемся Л. П. Берии и Г. М. Маленкову. Те приехали ночью, второй раз приехали уже с врачами – утром 2 марта. Это были новые, никогда здесь ранее не бывавшие врачи. Они предпринимали какие-то свои меры, но спасти жизнь 73-летнего пациента не смогли. Присутствовавший при этом сын Сталина, Василий, бросил в сердцах в адрес членов политбюро неосторожные слова: «Вы убили его». Через несколько дней после похорон отца Василия арестовали и без суда посадили в тюрьму.

Вполне логично предположить, что человек, строивший козни против своих ближайших сподвижников, умер вследствие интриг с их стороны. Но они, по крайней мере, не страдали атеросклерозом кровеносных сосудов. Маленков, например, пережил Сталина на 35 лет (Берия был расстрелян через 9,5 месяцев). Однако никаких бесспорных доказательств нет, тут все остается на уровне догадок и предположений.

Как Берия стал английским шпионом

Еще до войны Л. П. Берия был назначен наркомом внутренних дел. В его задачу входило уничтожение бывшего наркома Н. И. Ежова и всех его ставленников (тому в свое время ставилась аналогичная задача: убрать бывшего наркома Г. Г. Ягоду и его ставленников). Потом Берия сметал в лагерную пыль других наркомов, маршалов, генералов, артистов, академиков, писателей, тысячи ни в чем не повинных людей. Всем им предъявлялись стандартные обвинения в шпионаже: до войны – в пользу Польши или Германии, после войны – в пользу Англии или США. По словам Н. С. Хрущева, Берия как-то хвастливо сказал ему: «Я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой, и сам подпишет это».

После смерти Сталина оставшиеся у государственного руля члены политбюро испугались, что никому не подконтрольный Берия теперь передавит их всех. Прошло всего 100 дней после смерти «вождя народов», как Берия был арестован прямо на заседании политбюро, а полгода спустя он и его ставленники были расстреляны.

В это время проходил очередной пленум ЦК, на котором – наряду с другими вопросами – решали, как объявить народу, почему расстреляли Берия. С кратким вступительным словом выступил Г. М. Маленков, в то время председатель Совета министров. Маленков рассказал, каким мерзавцем был Берия, как он совсем распустился при Сталине, и что он мог бы натворить, если бы его вовремя не расстреляли. Маленков предложил товарищам высказаться по обсуждаемому вопросу.

Первым взял слово И. Ф. Тевосян, в то время министр черной металлургии. Он поддержал Маленкова в его негативной оценке деятельности Берии, но сказал при этом, что, ругая Берия, народу не следует говорить о злодеяниях Сталина, ибо это взорвет общество.

Н. С. Хрущев (в то время – секретарь ЦК), сидевший рядом с Маленковым, молча кивал головой в знак согласия с оратором.

Потом говорил В. А. Малышев. Он ранее работал министром среднего машиностроения (то есть атомной промышленности), часто имел контакты с Берией, который обеспечивал сверхсекретность всего производства. Малышев поведал собранию, что в технических вопросах Берия был полным невеждой.

«Если мы будем расстреливать за невежество, – подал реплику Хрущев, – то нам придется расстрелять половину членов ЦК».

Затем выступил А. П. Завенягин. Несколько лет тому назад он работал заместителем у Берии и теперь с возмущением рассказывал, как Берия матерно ругал своих подчиненных в присутствии нижних чинов. «Если мы будем расстреливать за матерщину, – опять хмуро бросил реплику Хрущев, – то нам придется расстрелять вторую половину ЦК». По-видимому, Никита Сергеевич неплохо знал тех, с кем работал бок о бок.

Слово взял Н. Н. Шаталин, в то время секретарь ЦК. Он продемонстрировал собравшимся список из 57 фамилий. Это были любовницы Берии, но не все, а только жены, сестры и дочери членов ЦК. Берии, очевидно, доставляло особое удовольствие склонять к сожителству родственниц своих коллег. В зале началось движение. Хрущев снова не удержался от реплики: «За такое надо бить морду, но все же не расстреливать».

Члены ЦК приутихли, размышляя, каким же должен быть повод, достаточный для расстрела человека, бывшего 15 лет подряд членом политбюро. Кто-то из зала выкрикнул: «А ведь Берия в годы революции был агентом мусаватистов!»

«Не годится, – отверг это предложение Хрущев. – Прошло столько лет. Нас спросят, где мы бы раньше».

И тут на трибуну поднялся Н. А. Михайлов, в то время первый секретарь Московского горкома, за год до этого – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. «Я помню, как в прошлом году, – сказал он, – на приеме в Кремле по случаю Первого мая Берия о чем-то говорил с английским послом, и оба улыбались. А потом на воздушном параде в Тушине я снова видел Берия в обществе английского посла, – и снова оба улыбались».

«Вот то, что надо! – воскликнул Хрущев. – Берия – английский шпион! Так и запишем».

Совершенно неизвестно, о чем разговаривали Берия и посол Англии, да это и неважно. Любые контакты с иностранцами считались предосудительными, а словосочетание «английский шпион» выглядело привычным и убедительным.

Народ с одобрением встретил сообщение о ликвидации очередного вражеского шпиона.

Интересно проследить реакцию английских средств массовой информации. Ведь если Берия был действительно давним агентом английских спецслужб, то это, несомненно, огромное достижение британской разведки. Несколько высокопоставленных чиновников должны были бы получить титул пэров и орден Подвязки. Но таких награждений не последовало. Политический обозреватель Британской радиовещательной корпорации (ВВС, Би-би-си) А. М. Гольдберг не без сарказма отмечал, что английской разведке, увы, нечем гордиться.

Вслед за Берией были расстреляны несколько его сподвижников: Г. А. Арутинов, М. Д. Багиров, В. М. Бакрадзе, С. А. Гоглидзе, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, В. Н. Меркулов. Об их связях с английской разведкой никто не вспоминал.

Заслуженные награды-2

В СССР высшим орденом с 1930 г. являлся орден Ленина. Вначале предполагали, что таким орденом станут отмечать самых достойных людей страны. Первые годы так и было, вот кто получил этот орден: И. И. Бродский – художник, Е. В. и М. И. Виноградовы – ткачихи-ударницы, Е. В. Гельцер – балерина, В. Г. Дуров – артист цирка, И. В. Мичурин – селекционер, Н. А. Островский – писатель, Л. П. Орлова – киноактриса, В. П. Чкалов – летчик, Д. Д. Шостакович – композитор.

Больше всех орденов Ленина получили деятели тыла, обеспечившие своей работой победу на фронте во время Великой Отечественной войны, – нарком (министр) вооружений Д. Ф. Устинов (11 орденов), авиаконструктор А. С. Яковлев (10 орденов). Маршалы, командовавшие войсками, награждались Золотыми звездами Героев Советского Союза и орденами «Победа». Впрочем, и маршалам доставались ордена Ленина: Е. И. Чуйков их имел 9 штук, по 8² – К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, А. М. Василевский, В. Д. Соколовский, по 7 – И. Х. Баграмян, И. С. Конев, К. С. Москаленко, К. К. Рокоссовский, а вот Г. К. Жуков – только 6 (зато он имел 2 ордена «Победа»).

С годами при награждении орденами стали забывать о первоначально провозглашенных принципах. Вот, например, кто удостоился семи орденов Ленина: министр иностранных дел А. А. Громыко (прозванный на Западе «Господин “Нет”»), президент Академии сельскохозяйственных наук Т. Д. Лысенко (запретивший генетику), партийный руководитель Украины В. В. Щербицкий. А с награждением орденом Ленина Л. Ф. Тимошук вышел форменный скандал, и об этом мы расскажем подробнее.

Лидия Федосеевна работала в Кремлевской больнице врачом-кардиологом. Однажды в 1948 г. ее (вместе с группой других врачей) вызвали к А. А. Жданову, которому неожиданно стало плохо. Сделав кардиограмму, Тимошук поставила диагноз «инфаркт миокарда», что означало постельный режим на 7–10 дней. Но другие врачи, посоветовавшись, приняли иной, более мягкий диагноз, в соответствии с которым больной мог уже со следующего дня вставать, ходить по комнате, немного читать и даже смотреть кинофильмы. Тимошук не согласилась с таким диагнозом, она написала особое мнение и (как тогда полагалось) подала докладную записку в охрану Жданова. Через три дня Жданов умер. Медиков-профессоров, поставивших ошибочный диагноз, никто не трогал, зато Тимошук несколько раз вызывали к следователю, а потом перевели на понижение – в филиал Кремлевской больницы.

Через 5 лет, в январе 1953 г., была арестована большая группа врачей Кремлевской больницы. Их обвиняли в неправильных методах лечения, приведших к смерти двух секретарей ЦК – А. А. Жданова и А. С. Щербакова. Часть арестованных обвиняли также в сотрудничестве с международной сионистской организацией «Джойнт», связанной с американской разведкой. Другую часть арестованных считали агентами английских спецслужб. Вспомнили о Тимошук: ведь она уже давно сигнализировала органам безопасности о врачах-шпионах.

Лидию Федосеевну наградили орденом Ленина. В газетах о ней ежедневно писали, называя «славной русской патриоткой». Была организована шумная кампания откликов «простых советских людей» на «подвиг» Л. Ф. Тимошук. Снова, как и в 1937 г., открыто призывали к доносительству – теперь на врачей, которые, мол, неправильно лечат. Приводили яркие примеры. В среде интеллигенции, привыкшей шушукаться по углам, возникла поговорка: «Написал доносец – стал орденоносец».

Но вот в марте 1953 г. умер И. В. Сталин. О Тимошук газеты более не писали. Колесо истории стало поворачиваться в другую сторону: в апреле выпустили из заключения всех вра-

² Л. И. Брежнев имел 8 орденов Ленина, но он награждал ими себя сам.

чей (кроме одного, Я. Г. Этингера, который в тюрьме умер), зато арестовали следователей, которые вели «дело врачей». Вскоре Л. Ф. Тимошук пришлось вернуть злосчастный орден Ленина. Потом ее снова понизили в должности и перевели в рядовую больницу, но ее новые коллеги демонстративно от нее отворачивались.

В 1957 г. автору довелось побывать на одном закрытом собрании, где делал доклад член ЦК А. А. Слепухин. Он сообщил, что Тимошук-де погибла в автомобильной катастрофе. Эти слова докладчика были встречены аплодисментами.

А Лидия Федосеевна продолжала жить и работать, неся свой терновый венец. Когда к власти в стране пришел Л. И. Брежнев, началось постепенное обеление эпохи Сталина. Опять вспомнили о Л. Ф. Тимошук: ее наградили орденом Трудового Красного Знамени с формулировкой «За выслугу лет». Брежнев, как известно, очень любил награды.

Стукачи

Массовое доносительство в России, по-видимому, началось в годы царствования Бориса Годунова. И раньше имели место случаи стукачества, но они были довольно редки, и всякий донос обязательно проверялся. Однажды слуга боярина Федора Шестунова донес на своего хозяина. Царь Борис решил публично поощрить доносчика. На Красной площади в Москве объявили тому слуге милостивое слово государево: дали ему вольность, чин и поместье. Тут же посыпались со всех сторон доносы слуг на господ, последних ссылали в Сибирь, лишали чинов и собственности. Но сами доносчики от этого, как правило, получали только моральное удовлетворение.

Совершенно по-другому было поставлено дело при царице Анне Ивановне. Достаточно было прокричать: «Слово и дело!» – и можно было явившимся на этот зов стражникам изложить свой донос на любого, даже очень высокопоставленного чиновника. Того незамедлительно арестовывали, подвергали допросу «с пристрастием» (то есть с применением пыток). Виновных лишали чинов и состояния, часть которого попадала в руки доносчиков. Естественно, доносительство стало выгодным и достигло огромных масштабов.

Екатерина II решила бороться с доносчиками следующим образом. Доносчиков забирали в полицейский участок и держали там без еды и питья двое суток. Если после такого испытания доносчик продолжал утверждать, что что-то знает, то лишь тогда его показания выслушивали и записывали.

Массовое доносительство вновь расцвело в 1937–1938 гг. Сам И. В. Сталин обратился к членам партии с призывом помочь славному НКВД бороться с врагами – вредителями, диверсантами, шпионами. Сразу же в органы НКВД стали поступать многочисленные сигналы, иногда – совершенно вздорные. Но для бдительных органов НКВД всякая бумажка есть документ, и большинство подозреваемых вскоре превращались во врагов народа, после чего их расстреливали.

Много доносов на знакомых и малознакомых ему людей написал в 1937 г. заместитель наркома просвещения Белоруссии В. С. Серафимов. Еще больше доносов написала заведующая отделом науки и школ республиканского ЦК партии Ф. А. Новикова. На проходившем летом того года в Минске съезде компартии Белоруссии отмечалось, что в республике разоблачено и обезврежено множество врагов народа. В потворстве врагам обвиняли на съезде председателя ЦИК А. Г. Червякова. Во время обеденного перерыва Червяков у себя в кабинете застрелился. Открывая вечернее заседание съезда, секретарь ЦК В. Ф. Шарангович сообщил делегатам об этом событии, добавив, что Червяков – двурушник, и актом самоубийства совершил враждебный поступок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.